

М. Молния

Золотая сойка

18+

М. Молния

Золотая сойка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32542294

SelfPub; 2018

Аннотация

Робототехник Гиз Монкес получает протекционный перевод в секретную лабораторию военного ведомства. Там он заканчивает создание своего главного изобретения – кибернетического организма под названием "Золотая сойка". Этот проект – детище Монкеса – крадёт у него начальник лаборатории господин Кишер. На фоне переживаний и депрессии Монкес продаёт секретный проект "Сойки" третьему лицу и попадает в "оборот" влиятельных друзей, которые помогают ему свергнуть Кишера и стать начальником лаборатории. Руководствуясь личными амбициями и запуская в действие видоизменённый проект "Золотой сойки", Монкес сознательно обрекает мир на катастрофу.

Содержание

Часть I. Новое место, новая должность, новый оклад	5
Глава 1. Разговор в парке	5
Глава 2. Булочка Ми Сакера	11
Глава 3. Разбившийся сосуд	16
Глава 4. Столовая разборка	20
Глава 5. Пропавший сержант	26
Глава 6. Страшный суд	31
Глава 7. Ошибка Хартнио	37
Глава 8. Старая машина	42
Глава 9. Премиум-Дин	46
Глава 10. Без двадцати два	51
Часть II. Но ведь это безумие, господин Монкес, безумие...	56
Глава 1. Изуродованное перо	56
Глава 2. Настойчивый сосед	61
Глава 3. Гора Т-таантитктити	67
Глава 4. Всё, что угодно	73
Глава 5. Вселенское сознание	77
Глава 6. Сердечный разрыв	81
Глава 7. Тайные игры	86
Глава 8. Конец сезона	91
Глава 9. Сюрприз от Кишера	94

Глава 10. Секретный разговор	99
Глава 11. Непредвиденная задержка	103

М. Молния. Золотая сойка

Часть I. Новое место, новая должность, новый оклад

Глава 1. Разговор в парке

*Начали они с прыжков через перекладину,
закреплённую на высоте двух дюймов от земли, и
постепенно добрались до одного фута.*

Маргарет Митчелл «Унесённые ветром»

Акварельно-мягкое закатное небо медленно переливало свои дивные краски от розовых и перламутровых тонов на западе к глубоко-синим и лиловым на востоке. Уже проглянули первые крупные звезды; взошли серпы трёх серебристых лун; разбежались по земле, по кустам цветущих акаций, по каштанам и вязам гудронно-чёрные тени приближающейся ночи. Заискрились стволами серебристые буки, отражая белый свет приземистых фонарей и отблески редких освещённых окон окружающего парк здания.

По пустынной аллее шли двое. Первый – щуплый, но уверенный, с заложенными за спину руками, в дорогой белой тройке, – куратор отдела изобретений департамента безопас-

ности Квинтерры. Его спутник – рослый, угловатый, с трёхдневной щетиной, в замшевом пиджаке позапрошлосезонного покроя, молодой робототехник тридцать шестой лаборатории того же департамента.

– Дорогой Монкес, – говорил приторным тенором щуплый, обращаясь к своему рослому знакомому, – ваш проект крайне интересен и перспективен. Массовые нападения птичьих стай на поля, объекты хранения и переработки злаковых культур действительно невозможно идентифицировать как диверсионные атаки противника. В этом плане ваш робот пока вне конкуренции. Но у него есть существенный недостаток – дороговизна. Будет нужно произвести слишком много подобных изделий, чтобы необходимое число птичьих стай получило запрограммированных нами лидеров. В этом плане производство бактерии Кишера куда более выгодно, – он посмотрел на собеседника поверх позолоченной оправы своих квадратных очков, что только-только вошли в моду среди чиновников госаппарата. – К тому же, дорогой Монкес, – продолжил куратор, многозначительно глядя в глаза собеседнику, – не стоит забывать, кто есть господин Кишер и кем являетесь вы.

– Господин Сиупелли, но попытка использования бактерии Кишера – это самоубийство! Мы импортируем порядка тридцати процентов посевных злаковых культур ежесезонно. Так, через каких-то двенадцать-пятнадцать сезонов бактерией Кишера будут заражены все злаковые культуры на на-

шей территории, – горячо сказал Монкес.

– Безусловно, – растянул в широкой улыбке свои тонкие губы Сиупелли. – Безусловно, мой дорогой Монкес, вы проделали колоссальную сверхурочную работу. Но аналитический отдел департамента также всё просчитал, с учётом неизвестных вам данных. Риски минимальны. Через двенадцать сезонов нам не нужно будет закупать злаковые, потому что все злаковые будут только у нас. Наоборот, нам потребуется наращивать производство, на что департамент аграрной политики вскоре получит соответствующее распоряжение. Однако, Монкес, вы суёте нос в чужие дела, – перестал улыбаться Сиупелли, сдвигая прямые густые брови и складывая неодобрительную морщину над изящной переносицей, – поэтому, в связи с вашей чрезмерной осведомлённостью, департамент безопасности Квинтерры перенаправляет вас из тридцать шестой лаборатории в пятую, под руководство господина Кишера.

– Как?.. – буквально задохнулся Монкес, – Это значит, что «Золотая сойка» свёрнута?!

– Не совсем, – вновь улыбнулся Сиупелли. – Вы последнее время уделяли столь много внимания последствиям использования бактерии Кишера, что несколько недоработали вашу идею. В связи с этим «Золотая сойка» передаётся в проектный отдел пятой лаборатории. Вы опечалены? – искренне спросил Сиупелли, заглядывая в потерянное лицо Монкеса. – Напрасно. Многие ваши коллеги сочтут такой перевод

удачей, свалившейся с Небес, или протекцией очень влиятельных друзей. В любом случае господин Кишер – опытный руководитель, он сумеет наставить вас на путь истинный.

– Господин Сиупелли, пятая лаборатория занимается микробиологией, как же можно у них продолжать чисто робототехнический проект? – сделал последнюю попытку к сопротивлению Монкес.

– За те деньги, которые вам будут платить, можно всё, дорогой Монкес, – ласково произнёс куратор. – Завтра утром на вашем столе будут лежать подписанные мной приказ о вашем переводе, а так же приказ о передаче «Сойки» в пятую лабораторию. Помимо этого, вы получите ключи от частного дома в секторе R3C...

– Красный сектор! – не смог сдержать себя Монкес.

– Красный, дорогой друг, именно Красный, и по третьей ступени. Вы – многообещающий учёный. За безопасность таких людей мы несём отдельную ответственность, а так же и за их благосостояние. Что за жизнь у вас сейчас? Апартаментки на окраине для прислуги. В подворотнях – грязь, вонь, крысы. Еда из «Быстрожарки». Из развлечений – низкопробное кино в жанре «на килотонну». Порядочному человеку отдохнуть негде. Я же знаю, что вы опять ночевали на работе, дорогой Монкес, лишь бы не возвращаться в вашу трущобу и не видеть соседа со второго этажа, обещавшего свернуть вам шею за роман с его дочкой. Неужели прогрессивный специалист вашего уровня может прозябать в та-

ких условиях? В Красном же секторе вы будете избавлены от всего этого. Только подумайте: самый высокий уровень жизни, кухня класса «элит», театры, галереи, развлекательные шоу, лучшие пабы и самые лучшие... ну вы сами всё увидите, – сладко произнёс куратор и зевнул, прикрывая рот тонкой длинной ладонью. – Что же, пора. Уже совсем стемнело, а вы сегодня пока еще ночуете на вашей окраине. Может быть, выделить вам автомобиль?

– Нет, благодарю, господин Сиупелли, я и так вам многим обязан, – угрюмо произнёс Монкес.

– Перестаньте, – притворно засмеялся Сиупелли, – это просто моя работа. Ну, что же, если вы так хотите ехать городским автобусом – это ваше право. До завтра, дорогой Монкес, – весело произнёс он. – До завтра. Я лично загляну в пятую лабораторию, чтобы полюбопытствовать, как вы устроитесь на новом месте.

Монкес вытер о борт пиджака свою вспотевшую ладонь, осторожно пожал куратору протянутую в равноправном жесте тонкую кисть, повернулся и пошёл прочь по залитой серебряным светом трёх лун дорожке парка департамента безопасности Квинтерры.

Куратор какое-то время смотрел вслед удаляющемуся высокому угловатому силуэту, потом удовлетворённо вдохнул пряный воздух сезона благодати, поднёс к лицу руку с большим платиновым перстнем на среднем пальце и, едва коснувшись губами крупного рубина, тихо сказал в еле замет-

ные мембраны встроенного в украшение динамика:

– Господин Кишер... Да, благодарю, прекрасно... Да...
Да, с завтрашнего дня.

Глава 2. Булочка Ми Сакера

*В пшеничном хлебе 238 ккал на 100 г продукта.
Интернет-калькулятор калорий*

Автобус выплюнул Монкеса на перекрёстке Шестой аллеи Равноправия и Восемнадцатой улицы Свободолюбия, среди типовых трёхэтажных домов, точно напротив стеклянных витрин ресторана «Быстрожарка», в двух шагах от полицейского участка и в четырёх – от пожарной части. Спокойный довольный район.

Народа в «Быстрожарке» было как всегда: сидячие столики заняты, за стоячими – мест нет. Дворники, уборщицы, садовники, охранники, горничные, слесари, водители, курьеры – одним словом, все те, кто обслуживал и облизывал множественных чиновников госаппарата, и те, кто прислуживал слугам, и слуги тех слуг, и еще, и еще, и снова, за редким исключением, за столиками «Быстрожарки» аппетитно чавкал обслуживающий персонал. Кто по одному, кто по двое, с друзьями и жёнами, с мужьями и чадами, лоснящиеся от жира, обнимающие ляжками стулья, довольные свободные граждане – костяк и опора страны.

Монкес вышел из ресторанного заведения с большим бумажным пакетом. Из пакета аппетитно пахло горячими шкалетами, прожаренной во фритюре картошкой, острым ко-

неанским соусом и свежими булочками Ми Сакера. О, эти булочки Ми Сакера! Совершенные, несравненные, нежнейшие, мягчайшие, разрезанные пополам, проложенные сочными шкалетами, сдобренные волшебными травами, приправленные овощами, с золотистым мелким крапом семечек на спинках, идеальные по форме, эталонные по окрасу – настоящий породистый хлеб. Можно было прямо сейчас открыть пакет, извлечь из него аппетитнейшую булочку Ми Сакера и откусить вожаделенный кусочек, но Монкес не делал этого. Он не любил глотать на ходу. Для него «принять пищу» было понятием основательным, пропеченным со всех сторон, с румяной корочкой. «Поест» значило посидеть в полном покое, упиваясь в гордом одиночестве вкусами и ароматами пищи, слизывая с измазанных пальцев острый конеанский соус, облизывая испачканные губы, вытирая кулаком подбородок, без всякого стеснения, без навязчивых взглядов и говора вокруг. Когда Монкес кушал – он только кушал, и даже «Золотая сойка» в такие моменты вспархивала и уносилась в самую чашу мозга. В детстве ему говорили, что процесс жевания тормозит процесс мышления. Монкес хорошо это усвоил и всегда разделял эти жизненно важные для него процессы, не соединяя их ни при каких обстоятельствах.

– Гиз, – из чёрной тени платана прямо навстречу Монкесу вышла девушка: упитанная, круглолицая шалунья с аппетитными окорочками под коротенькой юбочкой, открыты-

ми пухленькими «крылышками» и молочной шейкой – такой шейкой, которая столь величественно перетекает в роскошный бюст, что невольно тянет за собой в глубокую тайну обширного декольте.

– Рива! – вздрогнул от неожиданности Монкес.

– А я думала, ты опять будешь ночевать на работе, – прильнула к его груди девушка.

– Рива, послушай, – попытался высвободиться из её объятий Монкес, – твой папаша крайне недоволен нашими встречами.

– И что? – спросила Рива, прижимаясь еще сильнее и проводя руками по широкой спине Монкеса. – Я уже совершеннолетняя.

– А то, что он обещал свернуть мне шею, а она мне как бы нужна, на ней голова крепится, – ответил Монкес, но уже не сопротивляясь, а утыкаясь носом в копну рыжих обольстительных волос, отливающих в свете эмблемы «Быстрожарки» бесовски-красным отсветом.

От них пахло так же вожделенно, как из бумажного пакета. И вся она – Рива – была столь аппетитна, столь горяча и ароматна, что невозможно было сдержаться и хотелось немедленно выхватить её из тряпичной обёртки и с упоением насладиться этим роскошным мягким телом, с рассыпанными по нему золотистыми семечками веснушек.

– Отец сегодня на дежурстве, а мать еще не вернулась, – сказала Рива и потёрлась о небритую щеку Монкеса. – Я так

скачала. Почему ты столько дней не уходил с работы?

– Да... дела были, – промямлил Монкес, проводя свободной рукой по мягкой ягодице своей подруги, спускаясь по ткани вниз и внезапно натыкаясь на обнажённое бедро. – Дела, – повторил он неосознанно, двигаясь рукой вверх, под подол короткой юбки.

– Какие дела? – глубоко задышала Рива, туго зажимая ворот пиджака Монкеса. – Может, расскажешь мне?

Он не ответил, крепко обхватил её за обширную талию и повёл в подъезд трёхэтажного кирпичного дома, на самый верх, в свои меблированные апартаменты, где предстояло ночевать последний раз.

На пороге он замешкался. Подлые ключи провалились в подкладку старого пиджака через дыру в кармане. Рива ловкими розовыми пальчиками забегала по низу пиджака, зажала ключи, обхватила Монкеса, запуская руку в карман с дырой, прильнула своими губами к его губам и через долгий поцелуй извлекла из кармана ключи.

– Открывай, открывай, открывай, – облизывался и пускал слюни Монкес.

– Погоди, тут еще что-то, – шаловливо прошептала она, прилипая вновь к его рту.

– Рива... – зажмурился блаженством нетерпения Монкес.

– Что это? – помахала Рива перед его носом небольшой сложенной бумажкой.

– Не знаю. Дай мне ключи!

– Не дам, – упорхнула от него по лестничной площадке дородная бабочка. – Так, что тут? – развернула она листок.

Похотливость и озорство слетели с её лица, как слетает кирпич с края стройплощадки, падая на бетонные плиты внизу и разбиваясь в пыль терракотовых осколков.

– Что там? – испугался Монкес и сунулся в листок, протянутый ему дрожащей рукой.

«Монкес, я тебя удавлю, паршивый лизоблюд».

Подписи не было.

Монкес ничего не сумел сказать. Он только растерянно смотрел на перепуганную Риву, хлопал глазами и ртом, как задыхающаяся рыба, и медленно отступал к двери в апартаменты.

Глава 3. Разбившийся сосуд

Том ушёл домой совсем несчастный, и сны, которые он видел в ту ночь, были полны всяких ужасов.

Марк Твен «Приключения Тома Сойера»

– Рива, иди сюда! – капризно потребовал Монкес, стирая со лба выступивший от нервного напряжения пот.

– Гиз, я боюсь. Давай позвоним в полицию.

Она, бледная, стояла посередине спальни между большой неубранной постелью и стеклянным столиком, на который был брошен забытый пакет из «Быстрожарки». Нервно теребила в руках телефон, кусала губы, накручивала на палец рыжую прядь волос, а то вдруг порывалась ходить по комнате из угла в угол и бубнить нечто невразумительное.

– Зачем звонить в полицию? – простонал он, откидываясь на постели на спину и вытягивая вверх руки.

– Ты получил записку с угрозой. Этого достаточно! – Рива смотрела на него чёрными от ужаса глазами, крылышки её курносого носа дрожали, а на щеках, покрытых красными пятнами от недавних рыданий, едва сдерживались мышцы, чтобы не искривиться от нового приступа слёз.

– Рива, это чья-то шутка, – Монкес рывком поднялся с постели.

– Так не шутят, – твёрдо сказала Рива. – За такие шутки

нужно платить!

– Птичка моя, – схватил её за плечи Монкес, развернул к себе, крепко обнял, завозил потными ладонями по спине, бокам, бёдрам подруги. – Рива, я получил сегодня перевод. Понимаешь? Я получил перевод в другую лабораторию. Кто-то из моих злопыхателей прознал это раньше и решил таким образом высказать своё мнение.

– Перевод? – отстранилась от него Рива, всверливаясь испуганным взглядом в его замасленные желанием глазки.

– Да. С завтрашнего дня я буду работать у Кишера.

– У Кишера?! – не поверила она.

– Да, Рива, да! Знаешь, я сам, когда узнал, расстроился поначалу, – он вновь переложил руки на её пухлые плечи, заглянул в перепуганное, осунувшееся лицо. – Понимаешь, Кишер – микробиолог, я сперва подумал, что меня переводят к нему, чтобы свернуть «Сойку», но пока ехал домой – думал и теперь понимаю: это мой шанс. Моя судьба, фортуна! – он слегка тряхнул подругу за плечи. – Понимаешь? Вместе с Кишером мы доведём мой проект до такого совершенства, что... что... Ах, ты даже не представляешь! – Монкес сладострастно прижал Риву к себе. – Ты не представляешь, – продолжал бормотать он, зарываясь носом в её волосы.

Рива стояла неподвижно, отрешённо, позволяя делать с собой всё что угодно. Её не было здесь. Ей казалось – она стоит на краю бездонной пропасти и смотрит, как уносит-

ся вниз и исчезает в тумане хрустальный сосуд её мечтаний. Она трепетно ждала услышать звон разлетающихся о камни осколков, но не слышала, и мимо мелькало время, один сезон сменялся другим, а сосуд всё не достигал дна.

– Птичка моя, Рива, девочка, ты знаешь, какие это перспективы? У меня будут деньги, намного больше чем сейчас, намного. Будет команда, с которой приятно работать, а не это тупое быдло завистников и сплетников. Будет свой дом. Мне уже пообещали. Да, частный дом в Красном секторе.

Рива охнула и поползла из его рук.

– Ты что? Что с тобой? – испугался Монкес, опускаясь вместе с ней на пол.

– Когда ты переезжаешь? – глухо спросила она, глядя в пространство.

– Завтра, – ответил он, нежно беря её за подбородок и поворачивая личиком к себе.

Она внезапно вскочила, сверкнула глазами и выбежала вон.

– Рива! – кинулся он вслед.

Она слетела по лестнице, ворвалась в свою дверь, защелкнула замок, а потом осела на пол в темной прихожей и зарыдала – она услышала звон из глубины пропасти.

Монкес непонимающе топтался на лестничной площадке, скулил, скрёбся, рычал под дверью, но Рива так и не открыла.

– Ну и сиди там, дура! – наконец выкрикнул он, одёрнул пиджак, одним движением пригладил густые чёрные волосы

и зашагал по лестнице наверх.

Еще никогда в своей жизни он не ел с чувством такого отвращения, такой гадливости к тому, что предстояло съесть. Холодные шкалеты казались тухлыми, жареный картофель разил прогорклым маслом, на булочках Ми Сакера проступал зеленоватый налёт плесени. Конечно, всего этого не было. Это была лишь игра его расстроенного воображения, но конеанский соус был настолько омерзителен, что лицо невольно скорчилось в гримасу, а рука сама швырнула обратно в пакет кусок картофеля фри, густо вымазанного соусом. Он утёр кулаком губы и открыл колпачок на крышке стакана-непроливайки. Кофе был – дрянь. Монкес смахнул несъедобную пищу со стеклянного столика в пакет, смял и со злостью зашвырнул большой бумажный шар через всю спальню в кухню.

Он повалился на постель, прикрыл глаза рукой от яркого света люстры, полежал так, потом поднялся, разделся, бросив вещи на пол, щелкнул клавишей выключателя, на ощупь вернулся к постели и лёг.

Через мгновение он спал.

Глава 4. Столовая разборка

Джордж зашёл на пустырь и второпях упал в кучу хлама.

Шервуд Андерсон «Прозрение»

Бумаги на столе валялись точно так же, как он их оставил. Ни одного нового бланка с оттиском кривоклювой хищной бестии в обрамлении небесных светил – двойного солнца и трёх лун – на столе не было. Монкес не верил. Господин Сиупелли вчера сказал, что приказы будут здесь, на рабочем месте, подписанные лично его уверенной чёткой подписью, – но их не было.

Монкес перевероршил бумаги. Нет, приказов не было. Он тяжело опустился на стул. Посидел, подпирая руками крупный подбородок, потёр виски, провёл по высокому мощному лбу; скорее всего – просто рано. Рабочий день еще не начался. Скоро, совсем скоро господин Сиупелли подпишет бумаги. Он вызовет курьера. Тот заберёт пакет, толкнёт тяжёлую полированную дверь, пройдет по ковровой дорожке секретарской, выйдет в длинный, еще пахнувший краской после недавнего ремонта, коридор. Затем спустится на спецлифте, минует обширный холл с чёрным барельефом хищной твари, попирающей острыми когтями извивающегося у её ног монстра. Выйдет в большой тенистый парк внутреннего двора Квинтерры, где вчера Монкес беседовал с Сиупелли. Войдёт

в стеклянные двери Белого блока, запутается в коридорах. Наконец найдёт тридцать шестую лабораторию на восьмом этаже. Здесь он застопорится, поозирается, пройдёт в кабинет к начальнику – полковнику Ро Гару по прозвищу Бульдозер. И только тогда, ознакомившись с приказами, сам Ро Гар выйдет в огромный зал со стеклянными кабинками персональных рабочих мест, пройдёт на другой конец и молча, с отвалившейся челюстью, с полным непониманием происходящего в своих выпуклых наружу «фарах», положит на стол штатского робототехника Гиза Монкеса вожаемые бланки. На развитие подобного действия уйдёт прилично времени. А пока – рано. Да, сейчас еще просто рано. Нужно ждать.

Монкес взял верхний, испещрённый вдоль и поперёк цифрами и несвязными словами листок – абракадабру нужных и совершенно взятых с потолка записей, набросков схем, зарисовок, в которых мог разобраться только он. Достал чистый лист, переписал на него вразнобой несколько чисел, а старый лист бросил на пол. То время, которое курьер будет двигаться от кабинета господина Сиупелли до кабинета Ро Гара, вполне можно было использовать для разборки стола, ибо негоже оставлять что-либо на старом рабочем месте, когда переходишь в отдел с «красным» уровнем секретности.

Бумаги одна за другой летели на пол. Отдельные складывались в аккуратную стопку. Совсем незначительные рвались. Бесмысленные записки от сослуживцев типа «Вся за-

висть Стумпа от импотенции» отправлялись в мусорную корзину в первоначальном состоянии. Монкес сосредоточенно наводил порядок. Очередь дошла до коробки с тонкими шестигранными призмами – хранителями и носителями виртуальной версии «Золотой сойки». Монкес хотел было вставить ключ-память в компьютер, но передумал. Отобрал из коробки только ему одному ведомые носители информации, завернул их в бумагу и положил поверх стопки листов, готовых к переселению в пятую лабораторию. Осталась самая неприятная часть процедуры: вызвать уничтожителя – представителя внутренней службы безопасности, отвечающего за корректную утилизацию документов. Монкес сгрёб ногой раскиданные по полу бумаги, вышел из стеклянной комнатки и направился в кабинет начальника Ро Гара по прозвищу Бульдозер для получения разрешения на требуемую по уставу процедуру.

– Господин Гар, – заглянул в кабинет Монкес.

Полковник поднял на него свою ковшовую харю и устремил бесцветные, словно потушенные фары, глаза не на Монкеса, а куда-то сквозь него. Он почавкал мясистыми губами, потёр кустистые брови и соизволил спросить:

– Ты, Монкес, чем с утра занимаешься?

– Исполняю третье положение предписания о корректной утилизации документов. Произвёл разбор черновых данных по вверенным мне проектам. Подготовил ненужные бумаги к утилизации, – отрапортовал Монкес.

Бульдозер недовольно поморщился, поклокотал внутри старым маслом, рыгнул и неожиданно улыбнулся:

– Значит, подготовил черновики к уничтожению? – неприятно-ласково спросил он.

– Так точно.

– А ну, не язвить! – гаркнул Бульдозер. – Будет мне тут всякая шваль гражданская по уставу отвечать?

Господин полковник Ро Гар по прозвищу Бульдозер очень чётко разграничивал между собой сотрудников Квинтерры на «своих», имеющих воинские звания, и «шваль» – людей гражданских, а стало быть ненадёжных. К первым он относился по всем правилам армейской субординации, однако не забывая предоставлять им некие льготы и всевозможные мелкие поощрения, особенно если военный чин носил юбку, и чем короче была эта юбка, тем больше поблажек получала её обладательница. Что же касается вторых – гражданских, то тут Ро Гар проявлял порой излишнюю строгость: часто штрафовал и, будь его воля, вкатывал бы каждому по десять суток гауптвахты за провинности. Одной из главных провинностей гражданских, работающих бок о бок с военными, он считал ответы по уставу – привилегию сугубо армейскую, – поэтому приравнивал подобные выпады фактически к богохульству и карал по всей строгости.

– «Хоревый клапан» сдал? – рывкнул он на Монкеса, багровея от негодования. – Где расчёты дешифратора «Конеанской осы»? А?! Что молчишь?

Монкес вытянулся в струнку, виновато хлопая глазами и никак не находя в себе сил дать отпор Ро Гару. Его рот не открывался сообщить, что «Хоревый клапан» сдан Стумпу – заместителю Ро Гара – еще на прошлой неделе, а дешифратор под кодовым названием «Конеанская оса» Ро Гар сам велел отложить и заняться поиском ошибки в работе-миньере, который на последних испытаниях никак не мог сладить со своим манипулятором и замкнул не те провода, чем навлек на начальника тридцать шестой лаборатории гнев более высоких чинов. После случая на полигоне штраф вкатили всем сотрудникам тридцать шестой, но сейчас Монкес предчувствовал, что получит финансовое наказание еще и в индивидуальном порядке, и от заработной платы этого месяца у него останется купированный хвост.

– Где расчёты дешифратора, я тебя спрашиваю? – ревел Бульдозер, поднявшись с места во весь свой рост и потрясая кулаками в воздухе. – Где?!

– Вы сами велели отложить расчёты, – наконец выдавил из себя Монкес и ощутил, как от самых пяток к затылку побежали холодные мурашки.

– Что?! – вылупил свои «фары» Бульдозер. – Так ты их отложил?!

– Но вы сами сказали... – попытался защититься Монкес.

– Та-ак... – Бульдозер медленно опустился в кресло, а Монкес от этого «так» лишился дара речи окончательно. – Значит, я велел тебе отложить расчёты дешифратора? Ага.

Хорошо. Вот мы их и отложим, вместе с твоей зарплатой. Гиз Монкес, – изрёк он тяжёлым безапелляционным тоном, – немедленно передать все данные по дешифратору Дин Кольри – в том виде, в каком они у вас есть. За невыполнение данной работы на вас налагается штраф в размере двадцати пяти процентов ставки и объявляется выговор с занесением в ваше личное дело. А теперь – вон. Вон! – вскочил Бульдозер, тыча пальцем в стеклянную дверь.

Монкес вылетел из кабинета, глотнул воздуха, обернулся, увидел через стекло багрового Ро Гара и под любопытными взглядами сослуживцев бросился прочь из лаборатории.

Глава 5. Пропавший сержант

*Будь вежлив с каждым. Никогда неизвестно,
кто попадёт в число присяжных.*

Американская поговорка

Цилиндрическая сушилка для рук с грохотом слетела со стены, звезданулась на кафельный пол и покатила по нему под писсуары, заставив шарахнуть и замереть всех присутствующих в туалетной комнате.

– Сволочь! Тварь, тварь, тварь! – Монкес кулаком разбил плитку на стене, отбил руку, закрутился вокруг своей оси, зажимая пронизываемую болью кисть. – Тварь! – выдохнул он последний раз, успокаиваясь и опираясь всем весом на серый каменный стол с рядом раковин.

Он открыл воду, подставил отбитую, дрожащую от боли кисть под холодную струю, постоял так, набрал полные ладони и умылся, забрызгивая одежду каплями воды.

«Тварь!» – подумал он, глядя на себя в зеркало.

Ему захотелось вмазать зеркалу точно в нос, словно это было не отражение его собственного прямого носа, а приплюснутая, побитая нематодой картофелина Ро Гара, но тут в зеркале отразилось яркое красное пятно, и Монкес круто развернулся. Он не увидел ни кто стоит вокруг, ни что происходит. Он видел только это пятно – горящую алую бесстию в ореоле из всех пяти светил, оттиснутую на поверхно-

сти чёрной кожаной папки в руках испуганного сержантика. Сержантик попятился, когда Монкес мельком взглянул ему в глаза, но совладал с собой и осторожно спросил:

– Вам плохо? Может быть, нужна помощь?

– Нет, спасибо, – перекошил своё лицо злорадной ухмылкой Монкес, когда суть вопроса дошла до его сосредоточенного на красной бестии сознания. – Вы мне уже помогли, сержант. Вы мне очень помогли! – поднял он взгляд на сержанта, неожиданно расхохотался, хлопнул курьера по плечу, прошёл сквозь расступившихся зрителей и вышел в коридор, желая побыстрее увидеть, как перекошится рыло Бульдозера, когда чёрная папка из рук этого сержантика ляжет на стол полковника.

Монкес, ловко лавируя между людьми, промчался через длинный ярко освещённый коридор с рядами белых дверей по обеим сторонам, приостановился на секунду перед дверью в тридцать шестую лабораторию, подтянул рукава рубашки, одёрнул пиджак, пригладил волосы и взялся за ручку.

В лаборатории было тихо. Через стёкла кабинок рабочих мест было прекрасно видно, как все сотрудники корпят над своими проектами, упёрто глядя в компьютеры, делая пометки на бумаге и исподтишка глаза на получившего нагоняй Монкеса. Он, гордо подняв голову, проследовал к своей кабинке, вошёл, мельком одарив презрительной улыбкой соседей, и уселся в кресло так, чтобы видеть кабинет Ро Гара.

Компьютер дал тихий сигнал. Монкес открыл монитор и

прочёл: «Бульдозер икру мечет? За что попало?» Спрашивал Дью Хартнио – приятель Монкеса и единственный сотрудник тридцать шестой лаборатории, которого Монкес считал еще не конченным идиотом.

«За «Конеанскую осу», – написал Монкес, поглядывая на дверь и ожидая с мгновения на мгновение появления сержантика с чёрной папкой.

«Так «Осу» же в долгий ящик убрали», – сообщил Дью Хартнио, словно Монкес не знал этого.

«Я в курсе», – ответил Монкес.

«Тогда в чём проблема?»

«В том, что я не сделал дешифратор».

«И-и! – многозначительно высказал свои соболезнования Дью и чисто по-дружески предложил: – Наплюй, Гиз. Старому козлу моча вместе с горшком в голову вдарила, а ты попал под струю».

«Я уже наплевал. Еще на двадцать пять процентов своего заработка», – отозвался Монкес.

«Ого! Круто он тебя...» – высказался нелестно о начальнике Дью.

«Ничего, – усмехнулся Монкес, – справедливость скоро восторжествует».

Ро Гар в своём стеклянном кабинете поднялся из-за стола. Прошёлся, разминая затёкшую от сидения спину. Осторожно, по-стариковски, присел пару раз на корточки, вытягивая вперёд подрагивающие руки. Потом постоял у окна,

попялился в узкую пропасть внутренней галереи между Белым и Синим корпусами Квинтерры. Вновь сел за стол, взял засветившийся вызовом телефон и поднёс к уху. Его лицо мгновенно вытянулось – значит, говорит с высоким чином. Побагровело – значит, слышит нечто неприятное. Вперился в Монкеса – значит, разговор о нём. Гиз ткнулся в компьютер, делая вид, что работает. Он украдкой вновь глянул на Ро Гара – тот, не отрываясь от разговора, поднял руку и поманил Монкеса к себе. Взгляд у Бульдозера был свинцовый, следовательно, ожидать хорошего не стоило. Куда же подевался курьер с чёрной папкой?

Монкес снова вошёл в кабинет Ро Гара.

Бульдозер как-то странно пошамкал губами, неотрывно глядя в монитор, «ткнул» взглядом в экран; на тумбочке, рядом со столом, тихонько зашуршал принтер. Ро Гар взял распечатанный лист, пробежал по нему глазами, подписал, достал из ящика печать, громко хлопнул по бумаге и протянул лист Монкесу.

– Не знаю, парень, во что ты вляпался, но тебя вызывают в бюро внутренних расследований, – сказал Бульдозер и нарочито храпнул. – Немедленно, – добавил он, кривя тяжёлую челюсть и неприятно показывая свои вставные зубы.

Монкес не двигался. Он смотрел на бланк пропуска в Оранжевый сектор, где располагалось несколько секретных служб, и не понимал.

– На, бери, – требовательно сказал Бульдозер, приподни-

маясь из-за стола и протягивая вперёд свою мощную лапищу с зажатым в ней листком.

Монкес, словно во сне, сделал шаг вперёд, взял листок у Ро Гара, попытался прочесть, но буквы дрожали и никак не хотели выстраиваться в слова.

– Иди, – велел Бульдозер.

Монкес механически двинулся прочь из кабинета, так и продолжая смотреть в листок. Он на негнущихся ногах пересёк холл, столкнулся в дверях с сержантом, который странно шарахнулся от него. Монкес остановился, попытался сообразить, где и когда подался ему на глаза этот вышколенный сержантик, но не припомнил, вышел в коридор и направился к лифтам, не понимая происходящего и ничего не видя вокруг.

Глава 6. Страшный суд

*На Бога мы уповаем.
Девиз на американской банкноте*

– Гиз Тимриг Монкес. Родился двадцать девятого числа третьего месяца шестьсот второго сезона в городе Новый-Тезей в семье клерка Тимрига Монкеса и его жены – домохозяйки Лиарды Монкес. Закончил школу имени Оста Ринта, держал вступительные экзамены в физический колледж Карниана, но принят не был с формулировкой «предельно невнимателен». Учился в биомеханическом колледже, потом поступил и закончил Танианский университет по специальности инженер-конструктор робототехнических систем. Работал в корпорации «Новые роботы» в Таниане, затем в той же корпорации в Ойдиго, оттуда перешёл к нам, в Квинтерру. Всё верно, господин Монкес?

– Да, – сглотнул Монкес.

Он сидел на краешке стула в узком низком кабинете, за Т-образным столом. Всё, что находилось здесь: полированный стол тёмного дерева, мягкие синие стулья по обеим его сторонам, кадки с пышными фикусами вдоль стен, серые гардины на окнах, длинные лампы на потолке – всё это словно тянулось от входной двери вдаль по уносящейся перспективе, образуя тоннель, в конце которого сидел жиденский

старичок в песочном кителе с неразличимыми, как казалось Монкесу с такого расстояния, наградами. Но этот жиденький старичок был не просто стариком, не просто офицером высокого ранга и не просто сотрудником внутренней разведки Квинтерры. Здесь он был председателем, главой, богом! Монкесу даже казалось, что сидит он сейчас не в кабинете, а на Страшном суде, и на столе перед сияющим старцем лежит досье добрых и злых дел, совершённых Гизом Монкесом в своей жизни, и что сейчас старец будет судить его по всей строгости и непременно вынесет жестокий вердикт. Каждый вопрос тощего голоса грезился громopodobным раскатом, а каждый бесцветный взгляд – ударом пронизывающей насквозь молнии.

– Что? – переспросил старец. – Говорите громче, плохо слышу.

– Да, – повторил Монкес дрожащим голосом, как ему показалось, громко.

Старец недовольно покачал головой, поднёс руку к уху, поправил регулятор громкости на невидимом Монкесу слуховом аппарате и продолжил допрос:

– А почему вы, господин Монкес, решили сменить работу и перейти из корпорации к нам, в военное ведомство?

– Я... я увидел объявление о наборе сотрудников и... и перешёл, – облился волной пота Монкес.

– Но вы наверняка видели не одно объявление. Почему остановили свой выбор именно на военном ведомстве?

– Меня... привлекла заработная плата и пакет дополнительных льгот.

– Хорошо, господин Монкес, – старец взглядом перевернул страницу электронного досье и задал новый вопрос: – Что вы можете сказать о нынешнем международном положении?

– Я... мало интересуюсь политикой, – и вдоль позвоночника Монкеса поползла холодная капля.

– И всё же, хотелось бы услышать ваше мнение относительно последнего инцидента в Океане Туманов.

– Простите, – Монкес попытался проглотить подкативший к иссушённому горлу комок, – но я не знаю, что там произошло.

Старец удивлённо поднял глаза от экрана и воззрился на Монкеса.

– Я много работал последнее время, – попытался оправдаться Монкес, – поэтому не следил за новостями.

Старец покосился на досье, полистал, периодически бросая на Монкеса недоверчивый взгляд, проверил что-то и удовлетворился:

– Значит вы, господин Монкес, последние дни не уходили с работы?

– Нет.

– А вам известно, господин Монкес, что сверхурочные часы оплачиваются только в том случае, если сотрудник Квинтерры имеет приказ от руководителя своего подразделения

на проведение внеурочных работ?

– Да.

– Стало быть, вы работали бесплатно?

– Да, – вновь сглотнул Монкес, ожидая от старца неминуемой кары за такое, как ему казалось сейчас, преступное поведение.

– Над чем же вы работали в ночное время? – осведомился старец, разглядывая новую страницу досье.

– Я рассчитывал последствия применения бактерии Кишера, – проговорил, едва дыша, Монкес.

– Откуда вам известно о бактерии Кишера?

– Эта информация поступила в мой компьютер с пометкой «срочно проверить».

– От кого? Подробнее, господин Монкес.

– Из департамента безопасности, – задрожал Монкес. – Я всё рассчитал и отправил назад по указанному адресу, а вчера куратор отдела изобретений господин Тио Сиупелли вызывал меня для личной беседы. Видимо, информация исходила от него, – Монкес замолчал и потупился, уперев взгляд в полированную крышку стола.

– Хорошо, – произнёс старец. – Вы согласились на предложение господина Сиупелли?

– Да, – выдохнул одними губами Монкес.

– Молодой человек, я же просил вас говорить громче, – недовольно напомнил старец.

Монкес поднял глаза на светящееся божество на той сто-

роне стола, и ему показалось, что старец не сидит, а словно парит где-то далеко-далеко в окружении серо-синих облаков; что старец крайне недоволен ответом, и вот уже облака собираются вместе, образуя беспросветную тучу, и вот поднимает руку грозное божество, заносит её за ухо... Монкес зажмурился.

– Так вы согласились на предложение господина Сиупелли? – грянул над головой несчастного робототехника оглушительный раскат вопроса.

– Да, – пролепетал Монкес.

– Что? Плохо слышу.

– Да! – неожиданно выкрикнул он, и видение сразу оборвалось: Монкес вновь был в длинном кабинете, а напротив, за полированным столом, сидел пожилой военный чин в песочном кителе, маленький, седенький, тощенький.

– Хорошо, – произнёс чин, и Монкес поразился его жидкому голосу, только что гремевшему над ним раскатами грома. – Перед тем, как вы, господин Монкес, получите «красную» ступень секретности, вы должны дать подписку о неразглашении государственных тайн, которые будут вверяться вам по долгу службы. Так же вы даёте подписку о том, что проинформированы о последствиях, наступающих в случае нарушения нового контракта, заключаемого между вами и вашим работодателем, а именно ведомством Квинтерры.

– Каких последствиях? – насторожился Монкес.

– Текст контракта и дополнений к нему вам предоставят

в кадровом агентстве после закрытия ныне действующего и выплаты вам всего причитающегося. Вы свободны, господин Монкес. Отправляйтесь в лабораторию и получите у полковника Ро Гара все необходимые инструкции для дальнейших действий. Да, – остановил поднявшегося со стула Монкеса важный чин, – не стоит в следующий раз выказывать вашу агрессию и срывать зло на сушилках для рук. Господин Кишер не приветствует подобного поведения.

Глава 7. Ошибка Хартнио

*Чтобы приготовить суп из кролика с клёцками,
кролика нужно разделить на кусочки.
Из рецепта американской кухни*

Багровый от ярости Бульдозер метался по своему кабинету и чадил в прижатый к уху телефон грязной руганью.

– Мне плевать! – ревел он, угрожающе заноса над головой руку. – Или ты думаешь, что мы здесь в кости играем?.. Что?! – взревел он. – Ты меня судом пугаешь? Ты, шваль гражданская, пугаешь меня, кадрового полковника роботизированных войск Объединённых Территорий Терены? Ты в школе учился, когда я со своими роботами зачищал джунгли Мавона, пески Ранима и острова Согбама! И ты, шваль гражданская, будешь пугать меня судом за оскорбления? Так вот, Кишер, запиши на своей пухлой заднице, что полковник Ро Гар тебя в ноль не ставит, и никаких проектов от тридцать шестой лаборатории ты больше не получишь! – Бульдозер отшвырнул телефон и тяжело опёрся о крышку стола, постоял так, потом опустил в кресло, прикрывая ладонью глаза.

Монкес замер под стеклянной дверью и боялся войти. Начальник был настолько разгневан, что попадаться ему сейчас под руку значило полностью остаться не только без зарплаты, но и без работы. Конечно, по идее, Монкеса это не должно было больше волновать, но за пять сезонов работы в под-

чинении Ро Гара он настолько привык его бояться, что сейчас чувствовал тот же самый подобострастный ужас, какой чувствует раб, видя гнев своего господина. Потоптавшись, он поплёлся в свою кабинку, не имея в голове ни одной мысли, и чувствуя лишь страх.

«Гиз, что случилось?» – прислал сообщение Дью Хартнио.

«Ничего», – написал было Монкес, но стёр сообщение, подумал, написал снова и снова стёр.

Хартнио, видя через стекло потерянный вид своего друга, отправил новое сообщение: «Идём, выпьем кофе?»

Монкес поёрзал в кресле и отказался.

Тогда Дью поднялся со своего рабочего места, захватил бумаги и, робко перебежав холл, юркнул в кабинку Монкеса.

– Гиз, тебя что уволили? – шёпотом спросил Дью, кладя на стол Монкеса ненужные бумаги и указывая в них пальцем так, чтобы со стороны казалось, что он пришёл по делу.

– Нет. Меня перевели, вернее, переводят, – так же шёпотом отозвался Монкес и по привычке ткнулся в принесённые бумаги.

– Куда? – изумился Дью.

– К Кишеру.

Хартнио остолбенел. Монкес глянул на него, увидел бледное, матовое, неестественно вытянувшееся лицо, приоткрытый рот, высунувшиеся вперёд кроличьи зубы. Удивление заполонило круглые очки Хартнио и пёрло наружу. Монкесу страшно захотелось сделать так, чтобы этот кролик оказал-

ся немедленно на сковороде зависти и жарился бы на ней на сильном огне под острым соусом ненависти.

– Да, – сказал Монкес с интонацией превосходства, – меня переводят к Кишеру. Я только что был в Оранжевом секторе и подписал все необходимые для перевода документы.

Кролик оттянул челюсть еще ниже, выставил зубы дальше, вылупил удивление за пределы очков.

– Да, – продолжал Монкес, складывая руки на груди, откидываясь в кресле и предвкушая аромат шкварок, сдобренных самым острым из всех соусов, который только готовится в закопченных кухнях человеческих душ. – Меня не только переводят к Кишеру, но и предоставляют дом в R3C. Зарплата тоже соответствующая.

– Гиз! – выдохнул Хартнио. – Гиз, я тебя поздравляю!

Он порывисто протянул Монкесу руку. Монкес от удивления качнулся вперёд и подал свою ладонь.

– Я искренне тебя поздравляю! – затряс руку Монкеса Хартнио, не только не собираясь отправляться на сковороду ненависти, но, как показалось Монкесу, воспаряя в небеса от счастья. – Это... Это... Ты заслужил. Ты достоин! Твой талант... Тебя заметили. Это «Сойка»? Да? Это всё твоя «Сойка» сделала? – сиял Дью. – Гиз, но ведь она у тебя не досчитана, – спохватился Хартнио, слетая с небес. – Гиз, как же? Она же не досчитана, – он отпустил руку друга. – Ах, я... я... это я виноват! Мне нужно было взять на себя ошибку в минёре, чтобы ты успел досчитать «Сойку». Что же это... Как

же... Идти к Кишеру с неготовым проектом... Ну почему ты не сказал мне раньше? Если бы я знал, я бы...

Монкес с презрением смотрел на Хартнио. Ему казалось, что Дью сейчас издевается над ним. Строит из себя наивного дурачка, преданного приятеля. А на деле этот петлюющий вокруг да около кролик подыскивает самые слабые места Монкеса, чтобы обидеть, уколоть побольнее. И вот уже торчащие вперёд зубы истончаются змеиными остриями, и на них вспыхивает капля желчного яда.

– Я так виноват. Я был таким невнимательным в этом минёре, – сокрушённо произнёс Дью.

– Что? – переспросил Монкес.

– Это моя ошибка, – потупившись, признался Хартнио. – В узле XZ6K2. Перемагничивание контактов.

– Что? – рванулся из кресла Монкес. – Перемагничивание контактов?

– Да, Гиз, – попятился Хартнио. – Ошибка в минёре – это функция перемагничивания контактов реверсного канала.

– Твои проклятые магниты?

– Я не знал, – кинулся оправдываться Хартнио. – Я нашёл ошибку только позавчера...

– Не знал? Ты... Всё ты знал! Ты трусил перед Ро Гаром, трусил перед всеми. Я потратил столько времени на поиски этой ошибки, забросил «Сойку», не рассчитал «Осу»... Так это из-за тебя я остался без зарплаты! – Монкес порывисто шагнул к двери. – Идём к Ро Гару! Я покажу, кто на самом

деле виновен. Ты мне вернёшь мои двадцать пять процентов!

– Гиз, – взмолился Хартнио, – Гиз, но ты же знаешь, я не могу остаться без денег. У меня же больная мать...

– Я не собираюсь оплачивать лечение твоей матери! – отрезал Монкес, круто повернулся и широким уверенным шагом направился через холл к Ро Гару.

Глава 8. Старая машина

Нет, он не задира. Он был кроток, нежен и добр, хотя рост его достигал шести футов, и сложен он был, как гладиатор.

Джеск Лондон «Язычник»

– Господин Гар, – ворвался в кабинет начальника Монкес, – я нашёл ошибку робота-минёра! Она в узле XZ6K2. Перемагничивание контактов реверсного канала манипулятора. Разработку и программирование узла вёл Дью Хартнио.

Бульдозер выставил вперёд челюсть, включил «фары», ткнул кулачищами-опорами в крышку стола и начал подниматься, вытягиваясь на руках подобно вгрызающемуся в землю экскаватору. Тяжёлый ковш с породой взметнулся в воздух и уже был готов опрокинуться карой на отпрянувшего в ужасе Монкеса, но грянул сигнал видеоселектора, вспыхнул белым светом экран спецмонитора, и вздрогнула стальная машина, подалась назад, отводя свой огромный ковш, медленно оседая в кресло.

– Приветствую вас, господин Гар, – услышал Монкес знакомый приторный тенор. – Мне поступили сведения, что вы препятствуете передаче известного вам проекта под крыло пятой лаборатории? Это так, господин Гар?

Бульдозер пошамкал губами, развёл руками, всем видом

выражая покаяние в совершённой им оплошности.

– Хочу напомнить, что все разрабатываемые в Квинтер-ре проекты являются собственностью военного ведомства, – вкрадчиво сказал голос. – Мне было бы очень неприятно узнать, что полковник, ветеран мавонской войны и операции «Самум Ранима», кавалер ордена «Пяти Светил» первой степени, герой сражения при Согбаме, человек, отдавший свою жизнь во служение нашему великому государству – Объединённым Территориям Терены, – и вдруг покинет военное ведомство. Вам ведь сто семьдесят восемь сезонов, кажется? На тринадцать сезонов больше установленного пенсионного возраста?

Бульдозер побагровел, но ничего не сказал, лишь стиснул до скрипа свои вставные зубы.

– Надеюсь, господин Гар, чёрный чемодан будет собран еще до обеда, – добавил ласковый тенор, и экран видеоселектора погас.

– Шваль! – выдохнул Бульдозер и покосился на Монкеса. – А ты плут, – протянул он и скосил тяжёлую челюсть. – Сколько дряни видел за сто семьдесят сезонов... Сколько дерьма!..

Он усмехнулся, открыл ящик, достал знакомый Монкесу оранжевый бланк на вызов уничтожителя, подписал, поставил печать.

– На, – оттолкнул от себя по столу бланк Ро Гар, словно бросал кость собаке. – «Осу» сдашь Кольри под роспись,

остальное – Стумпу. Потом зайдёшь ко мне – получишь разрешение на закрытие контракта.

– Господин Гар, – потянулся Монкес за листочком, чувствуя, что теперь он может не оправдываться перед начальством, но говорить, ибо старая машина только что на его глазах была начисто раздавлена и отправлена на свалку той могучей и грозной силой, что стояла отныне за спиной простого парня из Карниана Гиза Тимрига Монкеса. – Я знаю, кто виноват в провале испытаний работа-минёра, – Монкес дал паузу, но Ро Гар не изменил выражения лица. Он продолжал смотреть брезгливо, как смотрят на кучу вонючей коричневой полужидкой массы. – Произошёл сбой в узле XZ6K2. Основная причина – неравновременное перемагничивание контактов реверсного канала манипулятора. Узел разрабатывал и программировал Дью Хартнио.

Ро Гар молчал.

– Я не являюсь виновником той аварии, – осмелел Монкес. – Моя работа была проведена чисто, поэтому требую возврата мне суммы, снятой с меня в виде штрафа.

Бульдозер едва двинул щекой, ухмыльнулся и произнёс:

– Подробный отчёт напишешь в кадровом агентстве.

– Как в кадровом? – растерялся Монкес.

– Неправомерность налагаемых штрафов определяется специальной комиссией под руководством кадрового агентства и направляется в дальнейшем в суд для принятия решения.

– Но вы же возвращали три сезона назад штраф...

– Я могу отозвать взыскание только в том случае, – перебил Бульдозер поучительным тоном, – если сотрудник находится под моим руководством, а ты с сегодняшнего дня числишься уже у Кишера. Вот, – Ро Гар вынул и положил на стол бланк с ярким оттиском кривоклювой бестии, – взгляни сам: «...первым днём работы в пятой лаборатории считать двадцать седьмое число сего месяца», – а сегодня как раз двадцать седьмое. Так что ступай, передавай дела Стумпу, а главное: «Осу» – Кольри. Без её подписи я тебе разрешение на закрытие контракта дать не смогу, – и Бульдозер доброжелательно улыбнулся во весь свой вставной «радиатор».

Глава 9. Премиум-Дин

Мужчина преследует женщину до тех пор, пока она его не поймает.

Американская поговорка

Кольри – золотистая сливка в самом соку, обладала совершенно исключительным положением. Её почти никогда не бывало на рабочем месте. Она могла быть где угодно в разрешённых ей для посещения уголках Квинтерры, но только не там, где полагалось быть. Любвеобильная Дин, с всегда излишне расстёгнутым воротом беленькой армейской блузки, в ультркороткой юбке-хаки и на головокружительных каблуках, с которых свернётся и сломает себе шею любая женщина без спецподготовки, носилась по всему белому корпусу, щедро одаривая всех встречающихся последними слухами и новостями от мировых известий до кулуарных сплетен. Когда при своей необязательности и неусидчивости она успевала выполнять работу, оставалось ведомо одним Небесам, но она была на хорошем счету у начальства и всегда ставилась в пример другим сотрудникам тридцать шестой лаборатории. Помимо этого Кольри знала всё и про всех. Поговаривали, что её основная работа как раз и заключалась во все не в сложных математических расчетах, конструировании и программировании отдельных узлов и систем военных роботов низшего звена, а в скрупулёзном ведении досье на

каждого сотрудника белого сектора Квинтерры. Но это были всего лишь неподтверждённые слухи.

Монкес пробежал Белый корпус от восьмого этажа до первого и обратно три раза, следуя по запутанному пути Кольри, прежде чем наконец-то в конце коридора мелькнул её пышный начёс, изящно насаженный на длиннющие ноги. Монкес бросился вперёд чуть не бегом, но, завернув за угол, успел увидеть лишь краешек острого манжета блузки и кончик тончайшего каблука, исчезнувшие за лифтовыми дверями. Ничего не оставалось делать, как продолжать тяжкую погоню за неуловимой Дин. Без передачи ей расчетов дешифратора Ро Гар не даст разрешения на закрытие контракта, а без закрытия контракта нечего было и помышлять отделаться от тридцать шестой лаборатории сегодня. Помимо этого Кольри могла дать Монкесу ответ на очень интересный вопрос: кто именно написал и подложил Монкесу в карман пиджака ту идиотскую записку с примитивной угрозой, так напугавшую Риву и лишившую его многообещающего вечера. О проклятой записке он сперва забыл, но на одном из крутых виражей сегодняшнего утра, как раз за два этажа до злополучного лифта, умчавшего от него разрешение на закрытие контракта, Монкес зачем-то полез в карман и наткнулся на сложенную записку.

– Ах, Гиз! Ну где ты пропадаешь целое утро? Я везде тебя ищу, – стремительная Кольри внезапно возникла позади Монкеса. В следующий же момент подхватила его под руку

и, не думая останавливаться, повлекла по коридору, обдавая запахом дорогого парфюма и сногшибательной красотой. – Ты слышал новости? Наш эсминец вернулся из Океана Туманов с дырами в бортах. Ты представляешь: они приспустили якоря на своих посудинах и просто натёрли ими наш корабль, как сельдерей на тёрке. Дыры по всему корпусу! Нет, это дикари. Настоящие дикари! А главное, наш капитан не мог открыть огонь, если бы он выстрелил – нас обвинили бы в начале войны. Немыслимо! Но мы так этого не оставим, они могут быть уверены, эти зерновые мешки. Кстати, – резко изменила она тон негодования на деловой, – Ро Гар просил забрать у тебя расчёты. Говорят, ты увольняешься? Правда? Но ты проработал в лаборатории пять сезонов, готовил сложные проекты, и, между нами, до старшего специалиста тебе совсем чуть-чуть. Не понимаю я тебя, Монкес. Глупо. Это просто глупо увольняться из-за какого-то там штрафа. Ну да, необоснованный, да, виноват Хартнио. Но ведь не сошелся на этом минёре свет клином, – продолжала тараторить Дин.

Они пролетели коридор, спустились на лифте, промчались через многолюдный холл первого этажа, выскочили через распахнутые двери во внутренний двор и оказались в тени цветущих каштанов, за узким высоким столиком роботизированного кафе.

– Пф, подумаешь – Кишер! Не понимаю, – удивлялась Дин, потягивая своими надутенькими губками голубоватый

коктейль из витиевато-изогнутого по последней моде стакана. – И дался тебе этот Кишер. Все же знают, что он на самом деле настоящая задница! Ну, скажи, Гиз, чем тебе у нас плохо? Ро Гар – старый пень, ему дадут работать еще максимум полтора сезона, и знаешь кто будет вместо него? – Кольри лукаво прищурила тяжёлые от косметики веки и, оглянувшись по сторонам, поманила к себе Монкеса. Запустила руку ему снизу под пиджак и крепко взялась за ремень брюк. – Ли Тео-Риан. Да, – загадочно произнесла она Монкесу в ухо. – Этот импотент Стумп может строить себе планы сколько угодно, но после Ро Гара начальником будет Ли. Я знаю это совершенно точно. Чудесно, верно? Ли – такой симпотяга. А еще я знаю... – и она придвинулась так близко, что её премиум-бюст поглотил локоть Монкеса и упругими торпедами бомбардировал его рёбра. – А еще я знаю, что заместителем будет... – алая пухлая губка как бы случайно коснулась уха, и горячее дыхание многообещающе шепнуло: – Гиз Монкес.

Под его рёбрами прогремел взрыв, и убийственное цунами пронеслось от гениталий к затылку, разорвало переполненные потовые железы, вздыбило волосы от поясницы до макушки, надуло кровью уши и низ живота. Гиз невольно отолкнулся от Кольри, чувствуя, что сейчас лопнет. Он потянулся в карман за носовым платком, наткнулся на записку, не сообразил и принялся вытирать ею взмокший лоб.

– Но! – рука Дин увереннее стиснула ремень его брюк,

и пальцы как бы невзначай двинулись глубже, «торпеды» с жёсткими сосками упёрлись еще плотнее, и уже не губка, но алкающие зубки едва коснулись ушного завитка Монкеса. – Может обернуться так, что Тео-Риан останется тем, кто есть, а место Гара займёт молодой перспективный специалист, вовремя отказавшийся от соблазна. Не будем его называть. Это наша тайна, да, Гиз? – и Монкес буквально ополоумел от случайного, но безумно нежного прикосновения языка.

Его рука машинально сжала влажный клочок бумаги в комок, швырнула в проезжающую мимо разверстую пасть робота-уборщика и потянулась, и коснулась, и обрела это пышущее дурманом, упругое профессиональное тело. Ноги сами двинулись, понесли их обоих в прохладу подземного гаража, в дорогую желтобокую автокобылку рядовой сотрудницы тридцать шестой лаборатории Дин Кольри.

Глава 10. Без двадцати два

И люди были те же или, по крайней мере, такие же, и шампанского столько же, и та же разноцветная, разноголосая суетня вокруг, но что-то во всём этом чувствовалось неприятное, враждебное, чего я никогда не замечал раньше.

Ф. С. Фицджеральд «Великий Гэтсби»

Подписано было всё!

Монкес взглянул на последний объёмистый документ под названием «Приложение № 23 к контракту старшего научного сотрудника пятой лаборатории секретного отдела Главного Военного ведомства Объединённых Территорий Терены господина Гиза Тимрига Монкеса. Расписка в уведомлении о последствиях, наступающих в случаях нарушения господином Гизом Тимригом Монкесом приложений к настоящему контракту за №№ 6, 7, 8, 9, 12, 14, 16, 20, 21 и 22»... Приложение № 23, в котором было сказано, что он – господин Гиз Тимриг Монкес – предупреждён в письменной и устной форме обо *всех* – это было ключевое слово – даже самых неприятных последствиях, наступающих в случаях преднамеренных или непреднамеренных, в сознании или без сознания, под воздействием алкогольных, психотропных, наркотических и/или иных веществ, под моральными и физическими принуждениями, под угрозами третьих лиц, под фи-

нансовыми и иными искушениями, под влиянием личных симпатий, расположения, дружбы, сексуальных отношений и так далее и тому подобное – предупреждён обо *всех(!)* последствиях, наступающих в случаях нарушения самого контракта и данных приложений. Монкес взглянул на приложение № 23, сказал сам себе: да – и, не читая, как не успел прочесть и все предыдущие документы, подмахнул внизу свою роспись. Он довольно отложил электронное перо и устоялся на кадрового агента, сидящего за столом напротив, под портретом президента Объединённых Территорий Терены – недавно переизбранного на свой пост господина Кориго Триро.

Итак, подписано было всё!

Лоснящийся курчавый пупс – кадровый агент в изумрудно-зелёном штабном кителе с сияющими нашивками – растянул свои напомаженные губы:

– Очень хорошо, господин Монкес, – округло произнёс он. – Поздравляю вас с получением нового рабочего места, новой должности и нового оклада. Согласно вашему нынешнему положению вы получаете ряд преференций. С ними вас ознакомят в отделе обеспечения сотрудников нашего военного департамента. Впрочем, вы уже прочли всё в приложениях к вашему контракту за номерами семнадцать и восемнадцать, а так же в двадцать пятом пункте приложения номер двадцать три.

Монкес согласно закивал, хотя прочесть за срок, кото-

рый он находился в кадровом агентстве, было невозможно не только приложения, но и сам контракт. Конечно, Монкес никогда так не относился к делам, особенно к вопросам трудоустройства и следующих из него выгод и ответственностей. Он всегда читал контракты и тем более приложения, напечатанные мелким шрифтом, однако нынешняя ситуация требовала скорости приёма решения, ведь в два часа пополудни в тридцать шестую лабораторию должны были явиться трое в чёрной униформе и с чёрным чемоданом-сейфом. В два часа пополудни «Золотая сойка» должна была окончательно сложить свои крылышки в тридцать шестой лаборатории и спрятаться, как в яйцо, в этот секретный чемодан, чтобы по-настоящему вылупиться, опериться, взрасти и, наконец, взлететь в своём новом гнезде – в пятой лаборатории Квинтерры. В два часа пополудни... Поэтому сейчас мелочи Монкесу были не важны. В любом случае условия предлагались лучше нынешних, и предлагал их не кто-нибудь, а сам господин Сиупелли – один из могущественнейших людей, наверное, не только Квинтерры, но и всех Объединённых Территорий, к голосу которого прислушивался сам господин президент Кориго Триро. О существовании же неких строгих взысканий, наступающих в экстраординарных случаях, Монкеса предупредил божественный старец из отдела внутренних расследований. И тут его осенило: отдел внутренних расследований! Не безопасности, а именно расследований.

– Будьте любезны подождать несколько минут, пока отдел обеспечения пришлёт мне подтверждение о готовности к выполнению своей части обязательств по вашему контракту, – округло-ласково произнёс пупс.

– Да, – нетерпеливо кивнул Монкес, и чтобы хоть как-то снять с себя напряжение, спросил: – Скажите, почему перед переводом в пятую лабораторию меня вызывали в отдел внутренних расследований?

– Ах, – всплеснул ухоженными пальчиками пупс, – это вас напугало? Но вы понимаете: стандартная процедура, нацеленная на определение кредита доверия, а также оценку вашего уровня лояльности к правящей партии и к нашему президенту – уважаемому господину Кориго Триро, – пупс указал на портрет над собой. – Заключение об этом можно дать только после проведения соответствующего расследования.

– Да-да, понимаю, – облегчённо согласился Монкес, в голове которого теперь всё вставало на свои места, и вопрос о происшествии в Океане Туманов больше не казался таким провокационным.

– Вот и подтверждение, – довольно потёр ручки сияющий армейский пупс. – Секунду, пожалуйста, – он взял из принтера какой-то бланк, подписал, поставил печать, вложил в конверт и заклеил. – Прошу, господин Монкес. Это приказ на изготовление и выдачу вам нового пропуска. Идите в отдел охраны, а оттуда – сразу в отдел обеспечения. В отдел охраны и в отдел обеспечения, – поднялся из-за стола агент,

протягивая свою руку для рукопожатия. – Всё ли вам понятно, господин Монкес?

– Да, – ответил Гиз, подавая свою руку. – Но вы обещали помочь мне еще в одном деле.

– Ах, простите, простите, – виновато засуетился пупс. – Пожалуйста, это бланки для претензий о заработной плате. Вы будете заполнять их сейчас? – и пупс в отчаянии посмотрел на часы.

Монкес тоже глянул на часы: до обеда – до двух часов пополудни, до прихода чёрного чемодана – оставалось двадцать минут.

– Я занесу бланки позднее, – торопливо сказал он и поспешил в отдел охраны, навстречу новой жизни.

Часть II. Но ведь это безумие, господин Монкес, безумие...

Глава 1. Изуродованное перо

*...Дороти и её друзья были ошеломлены сверканием этого удивительного города.
Лаймен Ф. Баум «Удивительный волшебник из страны Оз»*

Она вылупилась! Монкес не мог поверить: то, над чем он столько работал, столько бился... Вот оно: хрупкое, нежное, крохотное, пускай еще неживое – но чуть-чуть, близко... Оно, такое до боли родное, как... да почему «как»? Родное дитя! В стерильной камере, под стеклянным колпаком, на ладони манипулятора сидела и смотрела на создателя чёрными семечками глаз маленькая желтая птичка с хохолком и чёрными полосками на крыльях, совсем натуральная, почти что живая – его «Золотая сойка»!

– Вы довольны, господин Монкес? – услужливо спросил из-за спины низенький полненький оператор биопринтера, такой ласковый и скользкий, как жаба. – По техническим параметрам изделие идеально, но мы старались учесть все ваши пожелания и пожелания господина Кишера.

– Кишера? – вздрогнул Монкес.

– Да, господин Кишер заходил на этапе создания программы биопечати и просил внести несущественные коррективы.

– Какие? Какие коррективы?! – вскричал Монкес, перекашивая свою тяжёлую, заросшую двухнедельной бородой челюсть. – Почему меня не предупредили? Я здесь днюю и ночую ради этой птахи, понимаешь, ты... – Монкес глянул на криво пристёгнутую к салатовому халату лабораторной жабы табличку с именем этой мерзкой рептилии, но в ярости не смог прочесть ни одной буквы. – Я столько добивался идеальных параметров, и тут является этот Кишер, который не понимает ни в чём кроме своей микробиологии, не знает ничего, кроме своих проклятых бактерий; он тыкает пальцем, и вы тут же меняете мои расчёты? – буквально захлебнулся негодованием Монкес, наступая на лаборанта.

– Господин Монкес, господин Монкес, – закрываясь лапками и отступая залепетала лабораторная жаба. – Я – человек подневольный, мне сказали сделать ячейки для транспортировки – я сделал. Если бы мне сказали их не делать – я бы не...

– Ячейки? – замер Монкес, вперившись огненным взглядом в хрупкую птичку на роботизированной ладони.

Сойка смотрела своими блестящими, полными влаги глазами и, казалось, готова была немедленно вспорхнуть и помчаться по лаборатории, заливаясь весёлым щебетом.

– Ячейки, – выдохнул Монкес и поспешил к микроско-

пу. – Где? – рявкнул он, настраивая электронное око.

– Мы всё сделали аккуратно, – залебезила рядом салатова-
вая жаба. – Всего на двух пёрышках. Задействовали самые
нижние на ножках. На одну лапку влезло всего-то пятна-
дцать квадриллионов ячеек, и на другую – столько же, но
они такие лёгкие, с крышечками... Господин Кишер уверял,
что вес совсем не будет чувствоваться. Да вы сами взгляни-
те: изделие не превосходит расчётных весовых параметров.
Вот. Вот, посмотрите, господин Монкес, – лаборант просу-
нул свои холодные пухлые лапки амфибии под руками Мон-
кеса к компьютеру, ловко подогнав ладонь манипулятора под
микроскоп и одним движением вывел на экран изображение
основания самого нижнего пера птичьей ноги.

На необъятной, не вмещающей в монитор жёлтой по-
лосе ровными рядами красовались прирощенные к синте-
тической целлюлозе аккуратные призмы контейнеров. Меж-
ду ними тянулись тончайшие линии электрических кабе-
лей, предусмотрительно забранные в также специально со-
зданные коробки, подведённые к идеальным кубам зачехлён-
ных распределительных коробок. Создавалось впечатление
городской застройки с домами, кварталами, с поперечны-
ми улицами поуже и широкими продольными проспектами,
с будочками соединительных узлов-регулирующих на пер-
екрёстках, с ярко жёлтыми тротуарами и мостовыми. Под
микроскопом раскинулся настоящий город солнца, блестя-
щий теплом и уютном идеал мечты, еще пустой, но готовый

принять в любой момент квадриллионы квадриллионов бактерий, распределить их по домам-контейнерам, расселить по типовым ячейкам-квартирам, с крышечками вместо потолков.

– Замечательно! – нежно похвалил собственную работу оператор. – Взгляните, господин Монкес, какой филигранности нам удалось добиться: отклонения от параллелей составляют не более одной в минус сорок второй степени угла. Это на три десятых процента точнее, чем знаменитая башня Дрифта в Таниане. А цвет? Стенки ячеек почти не отличаются от цвета основного материала. И крышечки, – всплеснул ручками лаборант, – они уникальны. Двойные, герметичные и не отстреливаются, как предполагалось вначале, но являются собой пневматические раздвижные заслонки, захлопывающиеся сразу после срабатывания поршня по выталкиванию содержимого. Это самая быстрая в работе система поршнево-заслонного механизма таких размеров. Она сейчас патентуется вместе со всем остальным, – и жаба так сладко улыбнулась своими «губошлёпами», что увидь это Монкес – он бы не сдержался. Но Монкес не увидел. И ничего не услышал.

Он прилип к экрану и заворожённо рассматривал идеальный солнечный город, расположившийся на пёрышке его сойки, его детища, так легко предавшего его, так легко изменившего свою сущность, стоило лишь этому дьяволу Кишеру приблизиться к ней. И чем больше вглядывался робототех-

ник, один из ведущих специалистов пятой секретной лаборатории Военного ведомства Квинтерры Гиз Монкес в изуродованное, заражённое перо своей птицы, чем больше готовых к заселению кварталов проходило перед его взором, тем явственнее и сильнее представало перед ним одичавшее в безумстве голода, перекорёженное ненавистью, проклинающее всё сущее, неумолимое лицо будущего – лицо тотальной катастрофы. Но не это пугало его, нет. Больше всего страшило то, что на фоне этого дикого исступлённого лика он видел себя: обманутого, оболганного и обобранного нищего, вышвырнутого с сытых обеспеченных высот в грязь человеческого непотребства. Взвились в его голове последние слова салатовой жабы, эхом раскатились в сознании: «Она сейчас патентуется...». Она патентуется... Она! Что-то тяжкое перевернулось, болью застонало в его груди, и громче возопило негодование.

– Но ведь это самоубийство! – наконец прошептал он одними губами, отрывая от монитора обезумевший взгляд красных от недосыпа и усталости глаз и устремляя его на лаборанта.

– Что? – переспросила салатовая жаба.

Но Монкес не ответил.

Глава 2. Настойчивый сосед

Весь его облик, вся повадка ассоциировались с последней бодрой стадией того, что люди постарше называют скоротечной чахоткой.
Уильям Фолкнер «Пилон»

К входным дверям обширного стеклянного холла выскочил расторопный молоденький швейцар и, пружинно пригибаясь, принял у клиента пальто, шляпу, кашне. Он ощутил ладонью мягкость и тепло натурального фетра, натурального кашемира и невольно заулыбался шире столь приятному для кожи, непривычному касанию.

– У вас заказан столик, господин... – протянул он, стараясь продемонстрировать собой всё радушие фирмы.

– Монкес, – резко представился посетитель (человек высокий, сутулый, по-прежнему угловатый и вдобавок начинающий полнеть). – У меня постоянный столик, и вы обязаны это знать! – грозно добавил он. – Вы обязаны знать в лицо постоянных клиентов.

– Господин Монкес, – словно из неоткуда выступил один из управляющих заведением – аккуратный лакированный брюнет с коротенькими завитыми усиками, в атласном синем пиджаке старшего персонала и белоснежной рубашке с остренькими манжетиками. – Приношу извинения. Этот швейцар работает первый день. Он еще крайне неопытен, – рас-

тянулся управляющий гуттаперчевой улыбкой, пренебрежительно упирая на слово «швейцар». – Позвольте проводить вас, – сделал он пригласительный жест и, так, чтобы не заметил посетитель, одарил провинившегося новичка удавкой взгляда.

– Извольте, Бих – холодно бросил Монкес и двинулся вперёд по мраморной лестнице. – Гарионна здесь?

– Она прибудет через три четверти часа. Вы пожелаете Морской зал, Красный зал или кабинет? – спросил Бих и, оборотив незаметно для Монкеса улыбку в оскал, процедил швейцару: – Одна оплошность – и ты уволен. Звони Гаро!

Его улыбка тут же вновь закачалась искусной гимнасткой на изящной трапедии усиков, и он обратился к клиенту:

– В Морском зале сейчас господин премьер-министр и его гости – братья Претторни. Уверен, что господин премьер-министр будет не против, если вы вместе с госпожой Гарионной присоединитесь к нему и к братьям Претторни. Вы наверняка видели этих талантливых юношей в фаллос-шоу?

– Не видел, – огрызнулся Монкес.

– Тогда кабинет, – тут же предложил Бих. – Свободны «Небесные кущи», «Ночной бриз» и «Рандеву».

– «Конеанские девы»?

– Увы, господин Монкес, ничего не смогу сделать, там сейчас очень важная персона. По секрету, – Бих приподнял-ся на цыпочки и прошептал клиенту в самое ухо: – сам гос-

подин Тио Сиупелли...

– Общий зал! – тут же отрезал Монкес и широко зашагал по лестнице наверх, в убранный позолотой и натуральным деревом, уставленный по мозаичному паркету шестью десятками изысканных столиков роскошный Белый зал.

Посетителей в столь поздний, вернее, в столь ранний час в зале было крайне мало. Все они как-то очень удачно сосредоточились в конце зала, противоположном от столика, облюбованного господином Гизом Тимригом Монкесом – респектабельным учёным, имеющим уже восемь патентов на собственные изобретения и богатеющим за счёт своего ума и таланта. Но по-прежнему не очень модного, не очень глаженного, порой не всегда чистого и вдобавок – нелюдимого, страдающего мизантропией, клинически усилившейся за четыре сезона работы в пятой лаборатории Квинтерры. Его постоянный столик с надписью «зарезервировано» был недалеко от входа, за толстой колонной, как бы в закутке у стены, под умиротворяющим нездешним сельским пейзажем с речушкой, водяной мельницей, с группой милых обнажённых пастушек и пастушков, расположившихся у воды, в тени огромного дерева, на фривольный послеобеденный отдых.

Монкес уронил усталое тело в кресло и неприязненно посмотрел на розовощёких филлид.

– Желаете завтракать или ужинать? – осторожно спросил Бих.

– Подавайте то, что в данный момент не нуждается в при-

готовлении, – приказал Монкес, вальяжно вытягивая под столом ноги. – И виски.

– Одну минуту, – исчез администратор.

Монкес развалился в кресле ровно на столько, на сколько ресторанное кресло позволяло это сделать, и презрительно уставился на пасторальный пейзаж.

– Виски... – неожиданно раздался из-за колонны подвыпивший голос. – У вас дурной вкус. В том состоянии, в каком вы находитесь, нужно пить водку и только водку!

– Откуда вы знаете, в каком состоянии я нахожусь? – раздражённо спросил Монкес, продолжая обозревать разнежившихся от полуденного томления дев.

Их тела были так белы, рассыпчаты, они полулежали в столь откровенных позах: едва прикрытые прозрачными туниками, едва игривые и едва зовущие; а пастухи были так атлетичны, так уверены в себе и так нетерпеливы, что Монкесу стало противно.

– Когда человеку нашего с вами положения всё равно, что употреблять в пищу, да и, признайтесь, всё равно, употреблять ли пищу вообще, то это говорит только о том, что вы в прескверном настроении, сосед, – продолжил пьяный голос из-за колонны. – Позвольте представиться: писатель, и по совместительству профессор истории здешнего, а, стало быть, столичного университета – Йозеф Стэнли. Да, уважаемый сосед, вы не ослышались: Йозеф Стэнли.

– Никогда о вас не слышал, – грубо отозвался Монкес, од-

нако оторвался от пастушек, несколько подобрался в кресле и перевёл взгляд на колонну.

За ней стоял столик, который в своё время Монкес очень хотел зарезервировать для себя, но не сумел по причине его постоянной занятости неким «внезапнобывающим» клиентом. И вот теперь тот самый «внезапнобывающий» наконец внезапно объявился в крепком подпитии и желал поболтать. Монкеса охватило чувство неимоверной досады.

– Вам не хочется со мной разговаривать? – спросил Стэнли.

– Нет. Мне хочется побыть одному, – откровенно признался Монкес колонне.

– Это есть неправда, – возразил Стэнли. – Если бы человеку нашего с вами круга хотелось бы побыть одному и при этом выпить, – он бы, скорее всего, отправился домой, в уютные тихие апартаменты, где молчаливый предупредительный лакей бесшумно подал бы коньяк и хорошую закуску; или, например, поехал бы за город в тишину здешней природы: лесов, озёр, лужаек – поближе к восходу, поближе к поэзии; на худой конец он бы взял в ресторане отдельный кабинет, но никак не выбрал бы общий зал. Вы успели подсчитать сколько «бы» было в предложении? – и, не дожидаясь ответа, перескочил на другую тему: – Однако, вы первый человек, наверное, за последние сорок пять – пятьдесят сезонов, который не удивляется моему имени.

– А что не так с вашим именем? – спросил Монкес, крити-

чески глядя на принесённую отбивную, картофель под экзотическим соусом и салаты, живописно разложенные по ячееккам фарфоровой тарелки.

– Йозеф Стэнли, – повторил пьяный голос из-за колонны. – Неужели вы вправду не находите ничего странного?

– Абсолютно, – ответил Монкес, жестом показывая Биху, что заказ его устраивает и тот может удалиться.

Из-за колонны выглянула седая взлохмаченная голова с квадратным лицом, мясистым носом, полными губами. Борода была вопиюще остра, а под висками болтались две толстые косички, перехваченные ярко розовыми защипками. И эта наглая, неприятная Монкесу голова с нескрываемым потрясением воззрилась на него, вращая огромными чёрными глазами под не менее огромными очками в платиновой оправе с вкраплениями мелких рубинов.

– Йозеф Стэнли, – настойчиво произнесла голова, и не получив ровным счётом никакой реакции, обиженно добавила: – Это земное имя.

Глава 3. Гора Т-таантитктити

Они пришли и заняли удивительные голубые земли и всему дали свои имена.

Рей Брэдбери «Марсианские Хроники»

– ... Первая проблема этой планеты – её аборигены. Они как бегали в набедренных повязках за дичью с копьями и пращами миллион лет назад, так и бегают до сих пор. Совершенно неспособные к цивилизации существа. Как, однако, ловко мы их потеснили, а? Вам известна эта история, Монкес? Известна, конечно, её в школах преподают, но я вам напомню. Я вам напомню, Монкес, потому что с годами забывается, а вы к тому же еще и обыватель, хотя и узконаправленный технарь, а обывателям история без надобности. Вообще, чем ниже интеллектуальный уровень масс, тем они податливее, доверчивее, как эти самые дикари в набедренных повязках. Это великим правителям, радеющим о благе государства, а не о своём личном кармане, выгодно иметь развитую во всех отношениях нацию. Для тех же, для кого страна в первую очередь – дойная корова, а народ – ухаживающий за этой коровой фермер, – для таких уровень знаний масс должен оставаться в разряде чтения, письма и ряда полезных наук для отдельных, наиболее одарённых индивидуумов – например, для вас, – Стэнли застыл с поднятой вилкой, внимательно всматриваясь в кусок насаженной на неё отбивной.

Его зятянутые хмельным смогом зрачки мутно покачивались в красных от полопавшихся сосудов белках. Они будто выпучивались над тонкими окружностями радужек, прилипали к стёклам дорогих очков и тут же отклеивались от них, и вновь ныряли назад, в муть пьяных омутов. Это были удивительные глаза, по крайней мере, после многих и многих порций виски Монкесу казалось, что они устроены так же, как устроены зрачки огромных омаров, что сидели для развлечения публики в аквариуме на Центральном вокзале. Чудные животные при необходимости могли выпучить зрачок из глаза так, что он начинал плавать чёрной горошиной поверх радужки, а потом они разворачивали его на все двести сорок градусов, обозревая наперекрёст свой затылок. Глаза омаров поразили Монкеса, когда он девять сезонов назад вышел на столичную землю из танианского поезда и впервые увидел их. Он не забыл этих глаз: крупных круглых орехов на коротких толстых стеблях, ставших прообразами его «Всевидящего ока» – его первого патента, который Ро Гар считал бесперспективным и не давал ему хода, но который с азартом был принят в пятой лаборатории. Да, Кишер тогда был в восторге. Он поливал Монкеса комплиментами, словно лил вино из рога изобилия. Это он помог «ценнейшему Гизу» с первым патентом, даже себе «Ока» не прикарманил, и потом еще не раз помогал форсировать проекты Монкеса, но мелкие проекты. Главный – «Золотую сойку» – Кишер сейчас рвал себе!

– Этому мясу не хватает харизмы, – неожиданно изрёк Стэнли, раскрыл пасть с белоснежнейшими ровнейшими резцами, отправил бездарное мясо в рот и задвигал челюстями. Остренькая борода тут же запрыгала и зажила собственной довольной и холёной жизнью, а розовые защипки косичек под висками запрыгали в ярое танце. – Так вот, Монкес, я вам всё равно напомню, – продолжал Стэнли, проглотив кусок, – дикари подписали знаменитую Декларацию территорий, согласно которой...

– Погодите дурить мне голову, я еще достаточно хорошо соображаю, чтобы отслеживать логику, – перебил историка Монкес. – Как они могли подписать декларацию, если вообще не умели писать?

– Кровью, дорогой друг, кровью. Их вожди Саарду, Кой-ём, Тирси... их там десяток был, после тотального побоища, – ну, об этом вам в школе не рассказывали, ведь дикарей же почти полностью истребили, как вредителей на полях. Они же были нам здесь не нужны, вы понимаете, но всё равно нельзя же рассказывать такое массам. Мы – гуманные люди, мы умеем договариваться бескровно! Так вот, вожди приложили к бумаге испачканные в собственной крови пальцы. Для дикарей нет ничего священнее крови и всяких там родовых понятий. Они подписались кровью и освободили нам всю нынешнюю территорию, а сами сгруппировались в Центральных лесах возле горы Т-таани... нет. Та-ати... нет, проклятье! Как же они её вы-го-вари-ва-ют? А, Монкес, как она

называется? Т-та... Т-та-а-тк...

– Т-Таантитктити, – раздался над сидящими нежный женский голос. – Говорят, эта гора очень красива. Вы видели её фото?

– Гар... Гарионна! – восторженно взвыл Снетли, пытаюсь подняться. – Моя прекрасная гора, моя скала! Как её бишь, Т-таатки... Тьфу! Иди ко мне, – распахнул объятия Стэнли.

– Гаро, – совладал с ватным языком Монкес. – Наконец-то. Где ты была? Я уже два часа сижу тут, пью виски и слушаю этого Стэнли. У прощельги земная фамилия, представляешь? У нас у всех фамилии местные – такое условие было, да... чтобы племена ушли к этой горе, как её?.. Проклятье. Мы должны были взять их имена, ну, то есть местные. От Земли должны были отказаться. Ну, имена мы взяли, чего там. С Землёй порвали, не платить же налоги каким-то там землянам. Стэнли уже третий раз мне рассказывает... Ну как эту гору?!

– Т-таантитктити, – повторила, улыбаясь, красавица Гаро – воистину красавица: высокая, словно гора; длинноногая, словно горная серна; с невообразимо тонкой талией и мягкими, нежными, упругими, как свежие яблочки, и так же, как они, спрятанными под облегающую кожицу нежного зелёного бархата платья ягодицами и с не менее круглым упругим и аппетитным бюстом.

Она положила Монкесу на плечо тонкую руку в простом по форме, но очень ценном по содержанию браслете, потяну-

ла Гиза к себе и сочными пухлыми губами коснулась его лба. Длинные золотые серьги с алмазными каплями на концах качнулись вперёд, падая на веки Гиза и закрывая их предвкушением блаженства. Монкес тут же обхватил Гаро за длинные, не знающие усталости бёдра, повернул красавицу к себе спиной и с силой усадил на колени.

– А я? – обиженно произнёс Стэнли. – Гаро, а меня?

Гарионна повернула голову, махнув по носу Монкеса жёсткими ароматными завитками собранных в вертикальный гребень чёрных волос. Повелительно глянула на Монкеса своими разными по цвету, как у адовой злыдни, глазами, и он тут же безвольно разжал руки, подчиняясь её королевскому взору.

Гарионна, встала, сделала шаг к растопыренным клешням Стэнли, обернулась на Монкеса, высоко приподняла тонкую чёрную бровь над лазурным глазом и лукаво прикрыла второй – карий – глаз. Уголок пухлых губ поднялся вслед за бровью, открывая фарфоровые по белизне зубы. Гаро коварно улыбнулась и оборотилась к льнущему к ней Стэнли.

– А ручки сегодня не наши, – игриво и чуть слышно произнесла она, обхватывая запястья Стэнли и переводя его руки в безопасную для себя позицию. Наклонилась, изгибая в пояснице тонкую талию, так, что «яблоки» под зелёным бархатом воздёрнулись вверх. Скосила на Монкеса карий глаз, вытянула уста и едва прикоснулась ими к протянутому, как за подающим, губам Стэнли.

Монкес не выдержал, приподнялся и рванул Гаро себе на колени.

– Так я и говорю: дикари не умели читать и подписали всё кровью! Ха-ха-ха, – загоготал Стэнли. – Сейчас они живут в Центральных лесах, за забором, как в зверинце, представляете? Они живут как в зверинце, – веселился писатель. – На них еще поглазеть можно. А гора красивая. Я там бывал. Слушайте, Гаро, Монкес! Давайте поедem прямо сейчас. Я вам их покажу, и гору покажу.

– Сезон туманов, ничего не видно, – запротестовал Монкес.

– А, да... сезон туманов, – размяк было Стэнли. – Постой! Монкес, – вдруг просветлел он, – это у нас в головах туманы. Мы же не видим ничего кроме себя. Нет, ну нет, так не пойдёт. Нужно ехать к горе, там шаманы все мозги проясняют. У меня есть вертолёт, но на вакуумтрейне быстрее. Плачу за билеты! – и Стэнли пустился в уговоры, повторяя в четвёртый раз свой бесконечный рассказ об истории основания и становления великого, исключительного государства – Объединённых Территорий Терены.

Глава 4. Всё, что угодно

...Любовь – чувство слишком чистое и возвышенное для того, чьё воображение привыкло питаться красотами бухгалтерских книг...

Джеймс Ф. Купер «Моникины»

Купе: шёлковая обивка на стенах. На полу, на ковре – зелёный бархат и серый твид, брошенные, смятые. Роскошная Гаро разметала свои белые, горячие, как танианские солнца, груди. Она закинула ноги на парчовую спинку широкой полки, заломила под голову руки. Река черных волос струилась вниз, и, как застрявшая на перекате лодка, зависла над чёрным водопадом одна единственная золотая серьга. Гаро безудержно хохотала, жмуря свои разные глаза, а Монкес ползал по полу, щупал руками ковёр, тыкался под откидной, заставленный бутылками столик, виновато целовал чёрные струи волос и мямлил:

– Проклятье, подарок этого хмыря Сиупелли... Я найду, Гаро! Куда же... Как же она так выскочила... Я возьму мента-алло-детектор, да. Это ведь золото? Конечно это золото. Сиупелли другого не подарит, бестия его забери! А хочешь, хочешь я куплю тебе новые серьги? И кольцо к ним.

– Колье? – мгновенно перестала смеяться Гарионна.

Её гибкое тело перевернулось, ноги слетели со спинки, обхватили тело Монкеса, обездвигили руки, сжали и притя-

нули, упёрли его грудь в мягкие, вожделенные лепестки такого горячего, сочного цветка психотрии. В одно мгновение Монкес был повержен спиной на пол, смят и раздавлен этим огненным цветком.

– Колье? – повторила Гарионна. – А знаешь ли ты, какое «колье» я хочу?

Лепестки потёрлись о его грудь, и на кожу капнула прожигающая насквозь капля нектара.

– Любое, лишь прикажи, – едва прошептал Монкес.

– А за себя не боишься? – захохотала Гаро, и упругие, разъятые лепестки едва коснулись иссушённых жаждой губ Монкеса.

Он попытался слизнуть нектар, но цветок уже был недосягаем. Монкес взметнул руки, стиснул тонкую, гибкую талию Гарионны, рывком дёрнул к своему лицу её поднявшееся на колени тело. Гаро мотнулась вперёд, ловко выставила руки. Левая упёрлась в пол, а правая едва ткнулась плотно сжатыми кончиками пальцев точно в ямку у основания шеи Монкеса. Он судорожно глотнул воздух, инстинктивно попытался отпихнуть Гаро, но ладони не толкнули её в грудь, скользнули сквозь потоки чёрных прядей по плечам, по напряжённым лопаткам и растерялись на поясице, забытые, брошенные подсознанием от напористого, тугого поцелуя в шею. По скуле, по щеке, виску заплясали миллионы игл, рассыпались по лбу, прыгнули от уха к затылку. Голова Монкеса будто оказалась внутри пчелиного улья, терпко-ароматного,

приторно-сладкого и беспощадно жалящего, до дурноты, до потери рассудка. А поцелуй всё ширился, полз, разрастался подобно экземе, поражающей кожу, расцветивающей её глубокими, алыми пятнами.

«Всё, что угодно, – мелькнуло в гаснущей воле. – Всё, что угодно!..»

Малая жёлтая птичка метнулась по шёлку на стенах. Нет – это только следы её хрупких ног. Вот встрепенулась, взъерошила перья, расправила крылья. К полке багажной взлетела и тут же рассыпалась в пыль. Сойка, она! Вдруг зацвиркала, хитро прищурила глазки – лидер для стаи, поведёт за собой легион – тысячи тысяч таких же юрких и прытких созданий, только живых, и готовых склевать урожай.

– Кишер построил ячейки... Атаки полей и зернохранилищ стаями птиц не актуальны... Робот – носитель... Бактерии полностью уничтожат зерновые и их запасы на планете... Исключение – новые модифицированные сорта, уже успешно внедрённые в наше сельское хозяйство... Испытания «Сойки» начнутся через три дня.

Протяжённый, как вечность, пылкий, как солнечный вихрь... Поцелуй... Разноглазая адова дочь показала искусство любви. Одинокая золотая лодка последний раз с силой качнулась и замерла в окружении внезапно застывших волн черноты. Всё, что угодно за миг с этой женщиной. Всё, что угодно.

Опустошённый Монкес беспamięтно лежал на полу, не ми-

гая, глядел в бездонный потолок. Вакуумтрейн замедлял ход. Лёгкая перегрузка смазывалась действием алкоголя.

– Послушайте, но так же нельзя! – захохотал кулаками в запертую дверь Стэнли. – Я не могу больше сидеть один в ресторане и пить. В конце концов, это моё купе, я же платил за билеты.

Монкес вздрогнул, вскочил от неожиданности и сейчас же завалился на полку, не в состоянии удержаться на ногах.

– Бестия тебя забери! – выругался он, подтаскивая к себе с ковра измятые брюки.

Гарионна запрокинулась смехом, махнула рекой чёрных волос, и уже две серьги блеснули алмазными парусами.

Вакуумтрейн прибыл в Т-таати-дом.

Глава 5. Вселенское сознание

*Абсолютная защита от ночных кошмаров
– залезть под одеяло с головой.*

Роберт Шекли «Абсолютная защита»

Таниана, как и всё на планете, была затянута густым туманом. Красоты этой чудной во всех отношениях территории, начиная от Пурпурных озёр и заканчивая ползающими камнями, представляли только с очень близкого расстояния или бесформенными тенями, или пятнами неясных оттенков. Обширная белёсость над головой была небом, серость вокруг – всем остальным.

Монкес вышел на перрон. На тот же самый перрон, с которого много сезонов назад уезжала из Танианы вместе с ним тогда только-только зачатая в его сознании «Сойка». Она была мечтой, несбыточной и прекрасной, так необходимой для безопасности и превосходства великого государства – Объединённых Территорий Террены, – как рассуждал тогда, будучи наивным юнцом, талантливый робототехник Гиз Монкес.

Сейчас он вышел на перрон совсем другим: уже не глупым, доверчивым пацаном, но нюхнувшим жизни и труда мужем, с надеждами, превратившимися в прагматичный расчёт, и не простым робототехником, а ведущим специалистом пятой, секретной, лаборатории. Вместе с ним на перрон

вышла группа коллег в сопровождении охранников и агентов службы безопасности Квинтерры. Процессия призраками проследовала к специальному выходу, пересекла некое неясное в тумане пространство и канула в распахнутой пасти комфортабельного автобуса. Пневматические двери сомкнулись, хлопнул люк багажного отделения. Кто-то дал команду, и автобус плавно покотился. Монкес откинулся на спинку кресла и закрыл глаза: можно было спать еще два часа.

Сны были туманны.

Он словно плыл или парил сквозь вязкую серо-белую субстанцию, не жидкую и не газообразную, а некую среднюю на ощупь и ощущения среду. Мелькнула мысль, что эта субстанция – единый вселенский разум. Именно от него отпочковываются сознания всех без исключения отдельных существ, и именно в него эти сознания возвращаются, прошедшие жизненный путь, приобретшие опыт, набравшие знаний, чтобы передать всё это, навечно запечатлеть каждое мизерное событие в едином сознании Вселенной.

Руки, плечи, спины – кто-то густой, но невидимой в тумане толпой кишел и двигался рядом с Монкесом. Нечёткие звуки, обрывки слов выпрастывались вдруг извне короткими, омерзительно-режущими звуками и тут же гасли, оставляя неприятные следы где-то глубоко в ушах, на стенах евстахиевых труб. Вдруг туман обрывался не то чернотой, не то чёткой и пёстрой картиной бытия, и начинало происходить что-то важное, значительное, словно Монкес оказывал-

ся внутри чужих жизней, но тут же вновь наполнился туман, и вновь подле была неисчислимая масса спин, плеч, рук.

«Зачем всё это?» – подумал Монкес, жалея бездарно проходящее время сна.

«Зачем» понеслось по пространству, заплутало в тумане и вернулось, приведя с собой лицо: круглое, в красных пятнах, с дрожащими губами, заплаканное женское лицо в обрамлении рыжих волос. Лицо смотрело на него какими-то глубокими очами и неудержимо тянуло к себе. Вдруг оно исказилось, стало неимоверно ужасно, худо, кости проступили сквозь кожу, рыжие волосы взметнулись плазмой атомной войны. И по испепелённой, чёрной земле из дыма в дым замаршировали колонны одетых в химзащиту смертников. Вспучилась под их ногами почва, со стоном разверзлась, желая разом поглотить их, разом похоронить в единой братской могиле. Чтобы легче было матерям оплакивать сыновей, чтобы все жёны разом могли прийти на одну могилу, в единое место стенаний, и все дочери мира знали бы, где лежат их отцы. Чтобы моментом кончить адское действие, разом похоронить человечество. Монкес почувствовал, что начинает падать, проваливаться в эту могильную тьму. Ему стало страшно. Он взмахнул руками, пытаясь ухватиться за перья быстро исчезающего не то дыма, не то тумана, но они разлетались из-под его рук, кружили, желтели, пока не обратились в огромную огненную птицу. «Спаси меня, спаси! Ведь ты – моя!» – крикнул Монкес птице и ухватился за её ногу.

Нога возросла, растолстела, вытянулась. Он обнял её, и вот уже едва держался за самый кончик пера, а над его головой раскинулся золотой город: прямые улицы, чёткие кварталы одинаковых квадратных домов с откидными крышами, оснащёнными запатентованным поршнево-заслонным механизмом Кишера. Вмиг сработало! Раскрылись замки, и прямо на Монкеса, хватая и увлекая его за собой в бездонную пропасть мировой катастрофы, вырвались в пространство безобразные визжащие твари.

Монкес вздрогнул, раскрыл глаза. Рядом выла сирена. Он ошалело сунулся к стеклу: автобус стоял. Мимо, разрывая густую белую марь красными и синими огнями, оглушая рёвом спецсигнала, промчались машины полиции. Вслед за ними пронеслось несколько неясных теней, и еще группа полицейских машин замкнула строй.

– Президент Триро, – зазвучало по автобусу.

– Стоим, стоим... Кишер нас на месте сожрёт за опоздание. Объясняй потом, что мимо проезжал обожаемый всеми господин президент Кориго Триро.

– Второй срок... задница тахсенская.

– Так он же к нам на полигон, на испытания. Не знали? Сюрприз-из.

– Конечно, куда мы без него! Кишер, видать, вновь решил полизать ему член посредством наших языков.

Монкес отвалился от стекла и снова закрыл глаза. Ему очень хотелось спать.

Глава 6. Сердечный разрыв

Простым глазом видно, какое это страшное зло, что мы живём среди массы невежественных, нами же развращённых людей.

Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»

Ангар был холоден, пуст. Металлические фермы тянулись вверх, во тьму. Лампы потушены, лишь дежурное освещение хило тлело по периметру.

Стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить слишком чуткое эхо, освещая себе путь фонариком, через ангар шёл охранник. Грузный чернявый конеанец, недавний нелегальный эмигрант, так удачно сумевший купить себе паспорт, так удачно устроившийся на работу, он оглядывал пустое помещение, водил синеватым лучом вправо-влево, гонял вокруг тьму. Он выполнял свою работу, выполнял ответственно и досконально, слишком боясь её потерять.

В конце ангара на стене чёрной коробкой висел терминал. Нужно было подойти к нему и поставить отметку о проверке помещения в строго заданное время. Для этого охранник должен был приложить к терминалу свой палец. Терминал издавал короткий, безумно громкий в тишине сигнал, будил эхо, и то с перепугу взбалмошно скакало по бетонному полу, железному куполу, по стенам, дрыгалось в ячейках металлических ферм.

Охранник не любил эхо. Оно всегда было гортанно и бес-толково, всегда было готово предать. Вот и сейчас оно спало́, нервно подрагивая, прядая ушами от малейшего звука. Что-то было не так сегодня в его сне. Охранник остановил-ся. Прислушался. Поводил фонариком из стороны в сторо-ну, оглядывая пустой ангар. В нём никого не было, и всё же кто-то был. Эхо чувствовало кого-то и беспокойно вздраги-вало во сне.

Охранник повёл лучом вверх, скользнул по стене и за-мер: там, на паутине потолочных конструкций, было нечто бесформенное, пёстрое, нечто неопределённое и живое. Оно колыхалось, дышало, тарацилось вниз бесчисленным мно-жеством глаз. Охранник всмотрелся и понял, что это. Но и пёстрая масса кое-что поняла. Она прыгнула вниз, засвистела, захлопала, гикнула. Эхо спросонок шарахнулось в сторону, бросилось прочь, и, не имея выхода, заметалось в безумии по ангару, пытаясь спастись от бесчисленной птичьей стаи. А птицы неслись за ним, кричали, желали склевать. Они да-вили друг друга в полёте, ломали крылья на поворотах, раз-бивали головы о стены и фермы. Они падали, конвульсивно дёргались на бетонном полу, расцветивая его ковром своих перьев и кровью. А в центре этого безумия, присев на кор-точки, закрыв голову руками, истошно орал ополоумевший от страха охранник. Его крик оборвался, и он плюхнулся на зад, на спину, подминая и давя еще живых, переломанных птиц...

– Господин Кишер.

Высокий, невероятно тучный Кишер оторвался от монитора и повернул раскрасневшееся от волнения долгоносое лицо. Маленькие серые глазки, умные и хитрые, заискрились тревогой вопроса. Широкие жёлтые брови стиснулись к переносице. Мясистые губы сползли из улыбки в выжидающий, трепещущий нетерпением жгут.

– Ну не томите, дорогуша, не томите! – произнёс Кишер взволнованным тенором, обращаясь к подошедшему оператору связи – высокому худосочному юнцу, видимо, срочнику, попавшему каким-то чудом или по чьей-то протекции в столь элитное подразделение, как связники Квинтерры.

– Господин Кишер, – юнец прижал одну ладонь к бедру, вторую, с зажатым листом бумаги, выставил вперёд. – С объекта № 67 докладывают, – торопливо, но чётко и ясно начал зачитывать он: – «Испытания прошли успешно. Задание выполнено. Сканирование помещения по маркёрам показало стопроцентное ковровое оседание субстрата преимущественно на полу и стенах в пределах семи футов высоты. Около пятнадцати процентов осело выше уровня в семь футов и незначительная часть – на потолке и верхних конструкциях. Также характерно полное распространение субстрата на носителей с возможностью дальнейшей передачи. При эксперименте потери в носителях составили двадцать шесть тысяч семьсот восемнадцать особей на шестьдесят тысяч пятьсот тридцать голов. Человеческие потери: один че-

ловек – охранник, находившийся в центре экспериментальной зоны – скончался от сердечного приступа. Полный отчёт будет готов в течение трёх часов», – отрапортовал связист и прижал руку с листом бумаги ко второму бедру.

– От сердечного приступа... – сахарно произнёс Кишер. – Доложите, что всё готово и господин президент может принять участие в следующем этапе эксперимента.

Юнец козырнул и исчез.

Красное долгоносое лицо вновь повернулось к монитору, и полные губы расплылись в счастливой улыбке:

– Пожалуй, наша лаборатория создала свой лучший проект. Сотрудники вполне заслужили хороший гонорар, а непосредственно господин Кишер – новое местечко, повыше, и, естественно, еще один патент. Как ты считаешь, Сьюм?

– Монкес закатит скандал, – произнёс сидящий рядом с руководителем Гру Сьюм – кривоплечий, широколобый, вислоухий злыдень, язва и страх всех членов пятой лаборатории, тайный сотрудник службы безопасности Квинтерры, правая рука Кишера. – «Сойка» – его детище, он её так просто не отдаст.

– «Сойку» он продал этой разноглазой шлюхе. До сих пор не понимаю, как вы могли её упустить?

– Хитра баба. Но это ненадолго. Она ведь будет искать покупателя.

– Да... – задумчиво протянул Кишер. – Что же... Горе на

сердце! Но ценнейший Гиз сдулся. Стоящих проектов более он не родит.

В ответ Гру Сьюм довольно ощерился.

Глава 7. Тайные игры

Вся собственность – воровство, и те, кто украли большую часть, пишут законы для остальных.

Дж. Андайк «Бразилия»

Серая морось вилась в воздухе, вихрилась вслед за вяло ползущими автомобилями, плавно обтекала прохожих, плотно смыкаясь за их спинами. Было сыро, скверно. Постоянно где-то монотонно капало, натягивая нервы, наматывая на колки напряжённости струны терпения.

Монкес брёл по улице Танианы. Он приехал сюда с полигона, подгоняемый чувством ностальгии – безудержной тоски по молодости. Ему хотелось найти тот самый дом, где он жил, когда работал в Таниане. Хотелось увидеть окна скромных апартаментов, где впервые пришла ему в голову идея создания «Сойки», такой любимой, дорогой, и так бесцеремонно отобранной у него Кишером.

Может быть, стоит подняться туда, в те апартаменты? Позвонить в дверь и, сказав, что ошибся, увидеть хотя бы холл: блёкло-жёлтые обои с бурыми цветами, комод с зеркалом над ним, люстру... Ту самую люстру, на которую в яркое солнечное утро, села маленькая птичка, влетевшая в открытое окно и толкнувшая к действию его мозг, снёсшая, как в уютное тёплое гнездо, яйцо идеи в его сознание. А какая же была

люстра? Странно, оказывается, он забыл эту деталь. Он помнил солнечные лучи, пронизывающие комнату, клубящуюся в них пыль; помнил нетронутую постель и блик на стене в холле, видимый через раскрытую дверь кабинета. Он на удивление помнил ясно и чётко то рядовое раннее утро сезона благодати. Даже свежий, приятный запах каких-то цветов, нёсшийся в комнату через открытые окна. Но он совсем не помнил люстры в холле. Она была так неважна в прошлом, затмённая бойкой жёлтой пичугой с чёрными полосами на крыльях. Сейчас же почему-то именно люстра казалась ему ключевой деталью воспоминания. Ведь не будь на ней этих маленьких штучек, которые птица пыталась склевать и которые привлекли тогда внимание Монкеса своим звоном, не было бы и «Сойки». Но сколько бы он не силился – люстра в памяти оставалась лишь пятном золотистого света, излучаемого идеей.

Как это было давно, наивно, светло, прекрасно. Как по-детски он верил, стремился, осуществлял. Чтобы в итоге отдать её Кишеру! Этот пухлозадый холуй в один момент изуродовал «Сойку» своей бактерией, превратил её из благородной, хитроумной машины в тупого дрона, с группой примитивных команд. Монкес был полным идиотом, когда поверил Кишеру, когда изъял прочь ту колбу – еле заметную ёмкость в сплетении схем и узлов, наполненную выстроенными в чётком порядке кристаллами, запрограммированными изначально идеей. Тогда он её изъял, пожертвовал, ради

новой колбы с программой Кишера, потому что не знал, как решить по-другому задачу трассировки. А ведь он мог сохранить «Сойку» в первоначальном виде. Мог, если бы неделю подумал, кретин!

– Господин Монкес.

Гнусавый голос позади заставил вздрогнуть, круто обернуться. Там стоял человек: высокий, широкоплечий и крупнолицый, с плоским, вдавленным носом, с утопленными под нависшими веками глазами и приплюснутыми, бесформенными губами – видимо, бывший боксёр. Он вежливо, по-старомодному, приподнял шляпу, едва показывая лысый череп.

– Пройдёмте, – предложил он.

Монкес тут же всё понял. Он уже видел этого человека три дня назад, на приветственном ужине в честь господина президента. Боксёр тогда стоял подле кресла главы государства и внимательно следил за действиями каждого из присутствующих в огромном банкетном зале экспериментального центра Квинтерры.

Чёрный автомобиль находился подле. Монкес сел на указанное сиденье, на заднее, с пассажирской стороны. Боксёр захлопнул за ним дверцу, спешно обежал машину и втиснулся на место шофёра. Машина неслышно тронулась, влилась в нескорый поток городских авто.

– Однако с вами поступают крайне несправедливо, – услышал Монкес с переднего сиденья знакомый голос господина Тио Сиупелли – ныне одного из помощников в команде пре-

зидента. – Как вы сами расцениваете новость о получении Кишером очередного патента на дрона под кодовым названием «Золотая сойка»?

Монкес ничего не ответил. Уткнулся взглядом в колени, в стрелки измятых брюк, стиснул челюсти и задвигал желваками.

– Молчите? Вы сомневаетесь, можно ли мне доверять. А вот я вам по-прежнему доверяю. Понимаете ли... Кишер несколько зарвался. Проект с его бактерией, что и мне приходилось поначалу поддерживать, – самоубийственен, как вы тогда верно отметили в выводах из ваших расчётов. Наблюдения показали, что все созданные у нас за последние сезоны сорта злаковых так же уязвимы перед бактерией, как и классические сорта. То есть в случае применения бактерии Кишера наша планета полностью лишается всех злаковых культур. А это, как вы понимаете, – катастрофа: мировой голод и энергетический кризис, поскольку производить топливо будет попросту не из чего. Нужно повременить с применением бактерии Кишера. Однако кое-кто, кто импортирует грязное топливо со спутников, настаивает на ускорении процесса внедрения «Сойки» и убеждает президента начать её применение на территории противника, – вы же понимаете, что война необъявленная вовсе не перестаёт быть от этого войной. Однако господин Кориго Триро предупреждён лично мной о последствиях применения «Сойки». К тому же он отстаивает интересы местных производителей и вдобавок

крайне обеспокоен экологическим состоянием планеты. Как вы понимаете, в сложившейся ситуации его нынешнее правление создаёт помеху для... – Сиупелли помедлил, – для того же господина Кишера, например, коему обещали место в администрации нового президента, если господин Кишер поможет ускорить процесс начала выборов. Таким образом, возникает дилемма: либо Кишер, либо Триро. Вы как думаете?

Монкес не двинулся.

– Я полагаю так же, – утвердительно проговорил Сиупелли. – Хотел бы у вас узнать, в связи со всем вышеизложенным, не согласитесь ли вы на место руководителя пятой лаборатории? Кстати, что касается сведений, переданных вами госпоже Гарионне, то в случае вашего согласия мы сделаем вид, что ничего не было. В противном случае, согласно Приложению № 23 к вашему контракту, которое я позволю себе вам частично напомнить, за разглашение государственной тайны и передачу сверхсекретных сведений третьему лицу, вы, как и положено по закону, должны будете подвергнуться соответствующему наказанию, а именно смертной казни. Подумайте, господин Монкес. Подумайте.

Глава 8. Конец сезона

Не верьте, когда говорят, будто богатство не приносит счастья.

О'Тенри «Выкуп»

Монкес включил свет. Холл был пуст. Одинокая вешалка да стандартный комод под зеркалом, роскошные, но пыльные – и оттого неприветливые, одичалые.

Спёртый воздух, запах давно протухшей еды, гнили, забытого мусора вызывали тошноту. Монкес спешно прошёл в небольшую гостиную залу – совершенно ненужную ему комнату с овальным столом, тяжёлыми канделябрами в стиле ретро и изысканной хрустальной люстрой. Он распахнул окно и сделал глубокий вдох сырого туманного воздуха.

Сезон был на исходе, поэтому освещённая из окон угрюмо-зелёная трава на обширном газоне между домом и прудом уже не казалась столь приплюснутой и стеклянно-иниистой, как в прошлое возвращение Монкеса домой. С тех пор прошли три четверти сезона. Прошли неудачные испытания «Сойки», похороны Кишера, вступление Монкеса в должность начальника пятой лаборатории.

Да, сезон туманов был на исходе, поэтому освещённые из окон ветви форзиции уже набухли бутонами, готовые взорваться приторной желтизной и возвестить о начале нового, жданного сезона благодати. Это будет скоро, совсем скоро.

Скоро начнутся новые испытания, будут новые волнения и новые результаты. Будет всё по-другому – так, как захочет он, новый начальник пятой секретной лаборатории Квинтерры Гиз Тимриг Монкес.

Но сейчас, пока сезон туманов на исходе, пока еще дрожат белым светом через мутный сырой воздух и голые ветви деревьев фонари по ту сторону пруда, за оградой, вдоль тихой дороги, сейчас есть возможность отдохнуть. Есть возможность отмыться в роскошной ванной усталое тело, насытить его, расслабленное и белое после купания, всевозможными яствами, напоить добрыми напитками, усладить сочными девами, молодыми и хохотливыми. И дать наконец ему заветное право на полный самозабвения и покоя сон – заслуженную грёзу среди мягких подушек, под невесомым одеялом, на тончайших, пахнущих чистотой простынях.

Где-то глубоко в городе взвыла сирена, коротко и туманно. Она крикнула там, далеко, среди типовых домов для прислуги, мелких чиновников и прочего люда, крепостной стеной обступающих центральную часть столицы – уютную, тихую, зелёную зону двух-, трёхэтажных особняков и усадеб сектора R3C. Крикнула – и тут же затихла.

– Бестия меня забери! – пробормотал Монкес и поспешил в холл.

Он слишком редко бывал дома, чтобы помнить о сигнализации. Откинув крышку потайного ящика за дверь в холле, он спешно отключил секундомер и облегчённо вздохнул.

Теперь нужно было вызвать уборщиков, заказать блюда в ресторане, нанять девочек. А пока всё будет делаться – проветриваться, чиститься, готовиться и собираться – нужно успеть как следует вымыться, выбриться и заблестеть положенным ему по статусу счастьем.

Глава 9. Сюрприз от Кишера

Смерть пододвинулась, но теперь это было что-то бесформенное. Она просто занимала какое-то место в пространстве.

Эрнест Хэмингуэй «Снега Килиманджаро»

Накрытые столы на лужайке под тентами были изысканны. Скатерти белоснежны, приборы серебряны. Фарфор, хрусталь и золото оправ, и рдение рубинов сливались в единый шик, лелеющий глаз. Хотелось подойти и приступить к испробованию редкостных во всех отношениях блюд, начиная от грудок гигантских т-таати-куропатов, запечённых под ароматным соусом «Шарли», и заканчивая причудливыми по формам и вкусам пудингами, желе и фруктами.

Гости нетерпеливо толклись поблизости, переговаривались, блистали драгоценностями и орденами. Шёл ежегодный президентский банкет.

Закатные солнца резали лучами редкие облака; россыпью червонного золота играли на глади пруда, на тонких шеях плавающих в нём крупных нарядных птиц; тешились отражениями в стёклах загородной резиденции главы государства.

Между колонн высокого портика, на мраморных ступенях крыльца, на специально устроенной трибуне, под полотнищем с изображением кривоклювой бестии в обрамлении

всех пяти светил, стоял сам президент. Высокий и статный, с широкими жестами, с разительной улыбкой, он вызывал восторг. Его аккуратно уложенные волосы горели в закатных лучах медно-красным отсветом. Сияющие глаза были устремлены поверх голов внимающей толпы. Его крупные ноздри дрожали, а оттопыренные уши краснели излишней эмоциональностью. Господин Кориго Триро только что обронил финальное слово речи. Динамики еще передавали последний звук, а толпа уже лопнула аплодисментами, бурными, оглушающими, но не долгими – именно такими, каких требовал выработанный сотнями сезонов регламент проведения одного из главнейших государственных праздников – Дня Дружелюбия.

– Как вам речь уважаемого господина президента? – спросил приклеившийся к Монкесу Йозеф Стэнли, направляясь вместе со всеми гостями к шатрам на лужайке. – Это моя работа, я писал её. Я шестой сезон подряд пишу и редактирую президентские речи. Репортёры уже успели перекроить и перевернуть её по-своему. Они получают текст заранее. То, что останется в головах народных масс, и то, что на самом деле хотел донести уважаемый господин Триро, в итоге будет кардинально различаться.

– А прямая трансляция? – спросил Монкес, отдирая от своего плеча руку Стэнли, будто присосавшуюся пиявку.

– Трансляция?! – воскликнул писатель. – Вы очень наивный человек, Монкес. Она вылетит из мозгов так же, как су-

хие листья слетают с крон деревьев в начале сезона туманов: непринуждённо и навсегда, чтобы лечь на почву истории и сгнить там среди множества других бравурных, но бесполезных слов и деяний. Всё в нашем мире брэнно, даже речи глав государств. К тому же, текст специально строится так, чтобы сказав много в итоге не сказать ничего, – засмеялся Стэнли, и его защипки под висками запрыгали в омерзительно-асинхронном танце, а остренькая бородка задралась вверх вздрагивающим клином.

В этот момент рядом появился робот-официант с подносом, уставленным бокалами. Стэнли тут же прекратил смех, заграбастал два бокала, один передал Монкесу и спросил:

– Почему вы совсем перестали появляться в ресторане? Я устал там сидеть, пить и ждать вас. Пить, сидеть, ждать и вновь пить. Вас, право, невозможно дождаться.

– Я был в командировке, – ответил Монкес, наклоняя голову, чтобы войти под полог тента.

– Далеко?

– В Таниане.

– О! – протянул Стэнли, усаживаясь за стол рядом с Монкесом и жадно оглядывая близстоящие блюда. – Вы слышали, что в Таниане и еще на четырёх сопредельных с ней территориях полностью не взошли посевы злаковых?

– Что? – замер Монкес – он, как и прежде, совершенно не интересовался новостями.

– Это очень хороший повод для начала нами встречных

действий, – Стэнли указал роботу-официанту на маленькие, слепленные из теста и обжаренные во фритюре шарики с начинкой из мяса редких океанических моллюсков. – Нужно только подготовить общественное мнение. СМИ уже всю трубят, что это диверсия, – историк дал официанту команду прекратить накладывать шарики и указал на приглянувшийся соус. – Главное, есть доказательства: поймали диверсантку. Поливала поля с частного самолёта неизвестной жидкостью, – рассказывал Стэнли, глядя, как в его тарелке растекается по шарикам из теста багряный соус с вкраплениями рубленой зелени. – Красивая бестия! Вы не видели её фото в газетах? Похожа на Гаро, но всё же поплоче. Её на днях должны казнить. Кстати, куда запропастилась Гарионна после нашей поездки в Т-таати-дом?

– Не знаю, – ответил Монкес, отстраняя манипулятор официанта.

Ему вдруг стало холодно. Безумно холодно. Он лихорадочно вспоминал отчёт об испытаниях. Пункт, где говорилось об утилизации живого материала. Но он его не читал. Отчёт подсунул Сьюм прямо перед церемонией прощания с внезапно умершим от инфаркта Кишером. Монкес тогда второпях подмахнул подпись под документом и уехал. А вот сейчас, спустя треть сезона, сидя за столом президентского банкета и холодея всем телом, он с ужасом осознавал, какую великолепную ловушку подстроил ему напоследок Кишер. Ведь почти тридцать четыре тысячи заражённых птиц про-

СТО ВЫПУСТИЛИ НА ВОЛЮ.

Глава 10. Секретный разговор

Он лгал с видом человека, который никогда не говорил ничего, кроме правды.

Теодор Драйзер «Стоик»

В удлинённом зерновидном кабинете с бежевыми стенами, где висели несколько знаменитых картин, где свет скрывался в периметрической нише потолка, – там, на полу, в самом центре, между двумя мягкими диванами, на огромном полотнище ковра, покойно и величаво лежал государственный герб. Круглый и тканый, с кривоклювой бестией в обрамлении всех пяти светил, он был на редкость красив, торжественен, и его можно было топтать.

В головах попираемого ногами герба, за массивным столом, в кресле, откинувшись на спинку и поёрзывая, сидел президент Объединённых Территорий Терены господин Кориго Триро.

Подле него прямо и молчаливо, подобно стоящим за спиной главы государства по стойке смирно флагштокам, замер уже знакомый Монкесу боксёр.

– Об этом даже нечего говорить, господин Монкес. Я не принимаю вашу повинную. Понимаю, что внезапная кончина господина Кишера не позволила вам лично проконтролировать процесс уничтожения расходного материала, но ведь на то существует служба безопасности Квинтерры. В их

обязанности, в частности, входит контроль над проведением различных экспериментов. И если они подписали акт, значит, они подтвердили, что в процессе испытаний всё прошло успешно.

– Господин Триро, – Монкес мялся в центре президентского кабинета между диванами и неотрывно смотрел на герб под ногами, на когти твари, сжимающие горло извивающегося монстра. – Я уверен, что проблемы с посевными – это последствия эксперимента. Тридцать три тысячи восьмьсот птиц с гнездовьями на данных территориях были выпущены после проведения испытаний. Это единственное логическое объяснение нулевого процента всхожести семян. Заражённые птицы занесли бактерию Кишера в почву во время посевной кампании.

– Господин Монкес, я очень ценю вашу честность, – Триро поставил локти на стол, элегантно сплёл пальцы и по-женски опёр о них свой тяжёлый, выдвинутый вперёд подбородок. – Вы берёте на себя вину, потому что не можете быть уверены в поступках других людей, как уверены в своих собственных. Это крайне ценное качество. – Триро снял подбородок с рук и склонил голову. – Господин Тио Сиупелли, помнится, отмечал его наличие у вас как одного из ваших ведущих качеств. Но в данной ситуации оно излишне, – развёл руками Триро. – Вы просто не располагаете всей информацией. Правда, на днях вас должны будут посвятить в ряд деталей этого дела, ну раз уж вы пришли с повинной, то, ду-

маю, стоит сделать это сейчас. Проню, – обратился он к боксёру, – будьте любезны, сходите лично за господином Сиупелли и пусть меня заменят перед гостями.

Боксёр кивнул и вышел в боковую дверь.

– Что же, – продолжил Триро, глядя на понурого Монкеса. – Разработка бактерии Кишера – это своевременная ответная мера. Наша разведка узнала об аналогичной работе на той стороне планеты еще восемь сезонов назад. Но, как видите, мы опоздали. Они применили свою бактерию раньше. Думаю, вы понимаете, что это значит?

Монкес нервно дёрнул плечами, всё так же глядя себе под ноги, на искажённое болью тело монстра в когтях кривоклювой бестии.

– Это – необъявленная война, господин Монкес. И не мы её начали. Мы же лишь заботимся о соблюдении мира, целостности нашего государства и неприкосновенности нашей собственности – трёх китов миропорядка. Увы, они поправны. И наш долг – как можно скорее сделать ответный ход. Необходимо немедленно запустить проект «Золотая сойка». Отвечать за его исполнение будете лично вы, потому что только вы с вашей гениальной «Сойкой», заряженной бактерией Кишера, можете заставить их – на той стороне планеты – выполнять наши условия. Подробности вам расскажет Сиупелли. Присядьте пока, – указал Триро на кресло подле стола.

Монкес качнулся, наступил на герб и, пройдя по нему, сел

в кресло.

Глава 11. Непредвиденная задержка

Созревшие травы и цветы прерии – всё превратилось в пепел под разрушающим дыханием огня.

Томас Майн-Рид «Всадник без головы»

Машина неслась по утреннему шоссе. За рулём сидел боксёр. Монкес молчал на заднем сиденье. Они ехали, не считаясь с правилами, лихо обходя другие автомобили, выскакивая на встречную полосу. Вскоре машина оказалась на окраине города, в районе типовых трёхэтажных домов. Пронеслась по Восемнадцатой улице Свободолюбия, мимо пожарной станции, мимо полицейского участка. Скрипнула тормозами на повороте возле ресторана «Быстрожарка» и на Шестой аллее Равноправия под матерный возглас Прено, как штопор ввинчивается в бутылочную пробку, ввинтилась в пробку дорожную. Машину сейчас же зажали с боков, припёрли сзади другие автомобили – улица была перекрыта, впереди полыхал пожар.

– Бестия тебя забери! Приехали, – гулко проговорил Прено и, повернувшись к Монкесу, виновато развёл огромными руками.

Монкес посмотрел на него исподлобья и вылез из авто.

Зевак было – множество. Они толпились между стоящими машинами, на тротуарах, высовывались из окон. Любопыт-

ным было совершенно наплевать на призывы полиции разойтись – наоборот, они напирали всё больше, гудели, вскрикивали, сетовали друг другу, сопереживали разворачивающемуся перед ними действу. Где-то позади автомобильной пробки сигналила скорая, но она никак не могла прорваться через плотную толпу на тротуаре и истерично вклинивала свой ор в общий гвалт.

Монкес не любил столпотворений, но сейчас, подчиняясь порыву любопытства, принялся проталкиваться вперёд.

Горели апартаменты на втором этаже. Пламя с рёвом вырывалось из окон, жгло ветви платана, тянулось по стене дома и рвалось вверх, облизывая кирпичную кладку и стараясь достать до оконных рам третьего этажа. Из подъезда выбегали люди, хватались за головы, кричали. Двое пожарных выволокли толстую, отчаянно сопротивляющуюся женщину в ночной рубашке. Она упала на асфальт подле фонарного столба и, уцепившись за столб, выла, не желая идти дальше. Пожарные её так и оставили, снова кинулись в задымлённый подъезд. Другие огнеборцы спешно раскатывали рукава, подтягивали машину с люлькой.

В горящих апартаментах что-то хлопнуло, из одного окна вырвался шар огня, и тлевшие ветви платана вспыхнули гигантским факелом. Толпа в ужасе отпрянула. Стекланный колпак фонаря над головой женщины взорвался и осыпал её осколками.

– Гиз! – истошно завизжала женщина.

Монкес инстинктивно, словно звали его, подался вперёд и каким-то образом очутился за спиной сдерживающего зевак полицейского. Один в свободном пространстве.

– Гиз! – продолжала кричать женщина, впиваясь в столб и неотрывно глядя на полыхающие окна второго этажа.

Из рассечённой стеклом раны на голове у неё текла кровь, заливала глаза. Но она не замечала, размазывала кровь по лицу и продолжала звать.

Струя из брандспойта вдарила в окна апартаментов. Там загрохотало, зашипело. Заклубился белый пар, повалил во все стороны, перемешиваясь с дымом и пламенем.

Из подъезда выскочил пожарный. Монкес сперва не понял, что он держит в руках, но через мгновение сообразил: пожарный нёс ребёнка, маленького, сезонных четырёх от роду. Ребёнок – мальчик – был совсем не тронут огнём. Только в чём-то чёрном немного вымазал свою жёлтенькую рубашечку, как это часто бывает с детьми, да перепачкал беленькое умильное личико. Казалось, мальчик спит, и его ручка и головка с рыжими волосиками мотаются в такт шагов пожарного.

Женщина рванулась от столба и выхватила ребёнка. К ней подбежали прорвавшиеся через толпу врачи, попытались забрать мальчика – она не дала. Она каким-то звериным материнским чутьём понимала, что ему не поможет никто.

Вдруг Монкес сообразил, что эта дикая женщина, безрассудно защищающая своё мёртвое дитя – Рива. Как она, од-

нако, пополнила и похорошела за эти сезоны...

Рива подняла голову и увидела Монкеса. Она не поняла, не поверила. Замерла, крепко прижимая мальчика к себе и бессмысленно глядя на Монкеса. Потом что-то мелькнуло в её взгляде, она отвалила челюсть, как это бывает с безумцами, наклонила голову и протянула ему дитя. Лишь долю секунды Рива стояла так, на коленях, с очумелым взглядом и с мёртвым ребёнком на руках, но Монкесу стало жутко. В нём что-то лопнуло, покатилося по телу грузно и шершаво, оставляя внутри неприятный, лохмящийся краями след. Тут мальчика выхватили из рук Ривы, засустились, закрыли спинами её окровавленное безумное лицо.

– Как вы сюда попали? Проходите, проходите! – прикрикнул заметивший Монкеса полицейский из оцепления.

Кто-то жёстко взял за плечо. Монкес тряхнул головой, как после страшного сна. Глянул на мельтешню у столба, на рвущийся из горящих апартаментов сизый пар. Перевёл взгляд на окна третьего этажа по диагонали от дымящихся, и не узнал их. Это были чужие окна. И всё здесь, и дом, и эта безумная женщина, и мёртвый мальчик были чужими, чуждыми ему – начальнику пятой секретной лаборатории Квинтерры, спешащему по делу государственной важности в сопровождении личного охранника президента.

Монкес посмотрел на Проно. Тот отпустил его плечо и сделал пригласительный жест. Монкес повернулся и широко и уверенно пошёл прочь по улице как можно скорее.

«Сойке» пришла пора вылетать!
2015–2017